

4

И-96

Вопросы советского языкознания

В. А. ИЦКОВИЧ

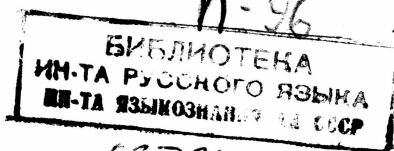
ЯЗЫКОВАЯ НОРМА

В. А. И Ц К О В И Ч

Я З Ы К О В А Я Н О Р М А

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ»

Москва 1968

63789

Ицкович В. А.

И 96 Языковая норма. М., „Просвещение“, 1968.
93 с., 35 000 экз., 14 к.

7-1-2
101-65

Все хотят говорить правильно. В этом нет ничего удивительного. Более удивительно то, что у всех, кроме специалистов-языковедов, почти всегда есть однозначный ответ на вопрос, что правильно и что неправильно. Ответ прост и очевиден: «Говорить правильно — это говорить так; как говорю я» или, у более «прогрессивных», — «как я считаю нужным говорить». На помощь приходят псевдолингвистические рассуждения: «Почему *звонíшь*? Ведь *звон* — значит, *звóнишь*». Подобного рода утверждения, тем более категорические и безапелляционные, чем менее они доказательны, встречаются и в печати: «Нельзя говорить *извиняюсь* — это значит «извиняю себя»¹. «Надо сказать *Она хорошо выглядит*», — заявляет автор одной книги. «*Выгляжу, выглядит* — со значением настоящего времени — явное нарушение русского языка», — утверждает автор другого сочинения (смело употребляя странный оборот «нарушение русского языка»), почти одновременно с первым.

Практически попытки исправлять действительные или мнимые ошибки речи, — если такие попытки не опираются на серьезный лингвистический анализ, — нередко приводят к появлению рекомендаций, подобных приведенным выше. Одному не нравится форма повелительного накло-

¹ Этот весьма распространенный «довод» свидетельствует только о незнакомстве со значениями, вносимыми частицей *-ся* в глагольные формы: ср. *беспокоиться, целоваться, веселиться, сердиться, торопиться* и т. п., которые никак не могут означать «беспокоить себя», «целовать себя», «сердить себя» и т. п. Об употреблении форм глагола *извиняться* в русской литературе XIX—XX вв., в частности Пушкиным, Гончаровым, Достоевским, Л. Толстым, А. Блоком и др., см.: Г. О. Винокур, Культура языка, «Федерация», М., 1929, стр. 95—102. К сказанному у Г. О. Винокура можно добавить, что у Пушкина формы глагола *извиняться* в значении «просить прощения, извинения» встречаются 17 раз (см.: «Словарь языка Пушкина», т. II. ГИС, М., 1957, стр. 191).

нения *кле́й* («надо говорить *кле́й*»), другой протестует против слова *одинарный* («не говорим же мы *дварный!*»), третий возмущен образованием *учеба* («в нем чувствуется что-то семинарское»). Кто же прав? Кому верить? Что значит «говорить правильно»? Каковы критерии правильной речи?

Разнобой в рекомендациях, ошибочные рекомендации, встречающиеся в книжках и статьях под «завлекательными» заглавиями, вроде «Давайте говорить правильно», объясняются встречающимся иногда субъективным, ненаучным подходом к установлению правил произношения, правил употребления слов и их форм, правил построения предложений. «Отсутствие научно-теоретической базы, — писал С. И. Ожегов, — и эмпиризм при рекомендации тех или иных норм приводят лишь к частным решениям по поводу отдельных случаев колебаний и к субъективным оценкам, лишенным научной убедительности и общеобязательного характера»¹.

Для того чтобы научно обоснованно подойти к установлению современных языковых норм, необходимо определить понятие языковой нормы, рассмотреть критерии нормативности, прежде всего — соответствие явления языковым моделям и его употребительность в речи, рассмотреть процессы изменения норм, замены одной, старой, нормы другою, новой, условия вариативности нормы. Этому и посвящена брошюра.

Норма и кодификация

Термин «норма» в языкознании чаще всего употребляют в двух различных значениях. Во-первых, нормой называют общепринятое, закрепившееся в языке употребление. Во-вторых, нормой называют употребление, рекомендованное грамматикой, словарем, справочником, подкрепленное авторитетом известного писателя, поэта и т. д.². Наконец,

¹ С. И. О ж е г о в, Очередные вопросы культуры речи. «Вопросы культуры речи», вып. 1, изд. АН СССР, М., 1955, стр. 13.

² См., например, следующее высказывание: «...норм как таковых, т. е. общеобязательных, зафиксированных в специальных трактатах правил употребления форм и слов, не существовало до XVI в., так как грамматика как особая практическая дисциплина не была еще создана» (М. С. Г у р ы ч е в а, Начальный этап в образовании французского национального языка. «Вопросы формирования и развития национальных языков» («Труды Института языкознания АН СССР», т. X, изд. АН СССР, М., 1960, стр. 208).

некоторые авторы не дифференцируют указанные различия, объединяют их, определяя норму как «общепринятое и узаконенное употребление».

Как видно, один термин употребляется для обозначения разных явлений. Существенное различие между приведенными двумя пониманиями нормы заключается в следующем. Первое определение («норма есть общепринятое употребление») исходит из того, что норма существует в самом языке, что это объективно данное. Из второго определения («норма — это правила употребления») вытекает, что норма — нечто внешнее, что норма не содержится в самом языке, а вносится в язык грамматиками.

Разумеется, в большинстве случаев описание языка, грамматика (особенно в языках с длительной грамматической традицией) правильно отражает объективно существующие в языке закономерности, и, значит, «норма» — языковой факт и «норма» — записанное в грамматиках совпадают. Но это не снимает необходимости разграничивать названные выше понятия, что и было сделано впервые Пражским лингвистическим кружком, в частности в работах Б. Гавранека¹.

Норма — это объективно существующие в данное время в данном языковом коллективе значения слов, их фонетическая структура, модели словообразования и словоизменения и их реальное наполнение, модели синтаксических единиц — словосочетаний, предложений — и их реальное наполнение².

Языковая норма есть в любом языковом коллективе. Норма литературного языка, как писал Б. Гавранек, отличается от нормы народного языка лишь количественно: 1) большей функциональной и стилистической дифференциацией; 2) более высоким ощущением нормы (*Normbewusstsein*) и более строгой обязательностью, которая связана с настоятельным требованием стабильности (тенденция

¹ См.: B. H a v r á n e k, *Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura*. «Spisovná čeština a jazyková kultura», Praha, 1932 (Русский перевод: Б. Гавранек, Задачи литературного языка и его культура. «Пражский лингвистический кружок». Сборник статей, изд. «Прогресс», М., 1967). Он же, *Zum Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur*. «Actes du Quatrième Congrès international des linguistes», Copenhagen, 1938.

² Ср.: Ю. С. Степанов, Основы языкознания, изд. «Прогресс», М., 1966, стр. 5, 99—102.

к устойчивости)¹. В любой языковой (диалектной) среде существует интуитивное представление о правильном и неправильном. В этом отношении показательно замечание Л. В. Щербы в его исследовании восточнолужицкого наречия, подтверждающее ощущение языковой нормы носителем языка. «Категория двойственного числа у старшего поколения имеет полную выразительность. Для младшего поколения она может быть не так выразительна; при мне раз одна молодая девушка сказала *dvaj gulca* «два мальчика», на что ее отец сейчас же обратил внимание, указав с досадой, что *dvaj* — совершенно лишнее слово (и надо помнить, что это был человек без всякой грамматической дрессировки и даже не умеющий читать по-лужицки)»².

У говорящих на литературном языке также существует подобное интуитивное представление о правильности и неправильности.

Но если в говорах норма оформляется стихийно, то для литературной речи характерна сознательная установка на правильность, ориентация на образцы, стремление строить свою речь по примеру той, которую говорящий принимает за образец³. Для литературного языка одной интуиции недостаточно. Отличительная особенность литературного языка, особенно его письменной формы, состоит в его регламентации, в том, что его нормы зафиксированы, записаны (с большей или меньшей точностью) в учебниках и словарях и отступления от этих рекомендаций считаются ошибками. Таким образом, отличительной чертой литературного языка является фиксированность

¹ В. Н а в г а н е к, Zum Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur, стр. 152.

² Л. В. Щ е р б а, Восточнолужицкое наречие, т. I, Пг., 1915, стр. 94.

³ Неправильное понимание «образца» приводит лиц, не владеющих литературным языком, к так называемым гиперизмам — к ошибкам, возникающим в результате стремления говорить правильно, избавиться от особенностей, свойственных данному говору. Так, на территории, где вместо *ф* говорят *хв* или *х* (*хвонарь*, *торх*, *Хведор*), осознание того, что это нелитературно, приводит к тенденции во всех случаях вместо *хв*, *х* произносить *ф*, т. е. говорить не только *фонарь*, *Федор*, но и *фост* (вм. *хвост*), *фалить*, *профатить* (ср. фамилию *Профатилов*) и т. д. См. примеры иных гиперизмов в кн.: А. М. И в а н о в, Л. П. Я к у б и н с к и й, Очерки по языку, Гослитиздат, Л.—М., 1932, стр. 98—99, 101—102.

его норм¹. Такая регламентация должна опираться на специальный лингвистический анализ, на объективно существующие в данном языке нормы. Как говорится в тезисах «Общие принципы культуры языка», опубликованных в начале 30-х годов Пражским лингвистическим кружком, основой заботы о литературном языке должно быть теоретическое познание действующей нормы современного литературного языка².

К сожалению, в ряде случаев появляющиеся в популярных статьях и брошюрах рекомендации, утверждения о правильности или неправильности того или иного языкового явления не опираются на лингвистические исследования, делаются на основе субъективных вкусовых оценок или неквалифицированных абстрактных рассуждений. В задачи лингвиста «входит установить, при каких обстоятельствах форма характеризуется тем или иным образом и почему она определяется именно таким образом: почему, например, люди считают, что *ain't* «плохо», а *I am not* «хорошо». Это только одна из проблем лингвистики, а так как она не является основной, то к ней следует приступать только после того, как известны многие другие вещи. Но странным образом люди, не имеющие никакой лингвистической подготовки, затрачивают много усилий на бесполезные дискуссии именно по такого рода вопросам, не углубляясь в изучение языка, которое одно может дать им в руки необходимое исследовательское оружие»³.

От объективно существующей нормы языка следует отличать ее кодификацию, т. е. установление правил употребления слов, правил словообразования, словоизменения, правил построения словосочетаний и предложений⁴. Как было сказано, норма существует в любом языковом коллективе. Кодификация же, как осознанная и зафиксиро-

¹ См.: В. Г. Костомаров, Культура языка и речи в свете языковой политики. «Язык и стиль», изд. «Мысль», М., стр. 44—45.

² См.: «Obecné zásady pro kulturu jazyka». «Spisovná čeština a jazyková kultura», Praha, 1932, стр. 245 (Русский перевод: «Общие принципы культуры языка». «Пражский лингвистический кружок». Сборник статей, стр. 394).

³ Л. Блумфильд, Язык. В кн.: В. А. Звегинцев, История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, Учпедгиз, М.—Л., 1960, стр. 126.

⁴ См.: В. Навржек, Zásady Pražského linguistického kroužku a nová kodifikace spisovné češtiny. «Slovo a slovesnost», т. X, № 1, 1947, стр. 14.

рованная норма, — явление, свойственное только литературному языку. А. М. Пешковский писал, что самым существенным отличием «литературного наречия от естественных, народных наречий и языков» является «стремление говорящего так или иначе н о р м и р о в а т ь свою речь, говорить не просто, а к а к - т о». «Существование языкового идеала у говорящих — вот главная отличительная черта литературного наречия с самого первого момента его возникновения...»¹. Только для литературного языка существуют правила, предписания, как надо и как не надо говорить, — правила, зафиксированные в нормативных грамматиках, справочниках, словарях, правила, изучаемые в школе.

В большинстве случаев описание языка в нормативных грамматиках, словарях (особенно в языках с длительной литературной традицией) правильно отражает объективно существующие в данное время в данном языке закономерности. Но такие описания обычно составляются на основе исследования языкового материала за большой исторический период («от Пушкина до наших дней»); объективным основанием для такого широкого временного охвата является медленность языковых изменений. А это приводит к тому, что кодификация может отставать от современной языковой нормы, что в правилах регистрируется в качестве нормы устаревшая форма, не соответствующая современному литературному употреблению.

Так, до сих пор встречается утверждение, что нормой являются особые формы родительного и дательного падежа мужского рода притяжательных прилагательных: *петина журнала, петину журналу*. Между тем эта кодификация, по-видимому, уже не отражает современной нормы. Формы косвенных падежей (кроме винительного) женского рода у притяжательных прилагательных уподобились в современном языке соответствующим формам качественно-относительных прилагательных: *петинной* — как *новой*. Этому способствовала, очевидно, омонимичность форм всех не-прямых падежей полных прилагательных — именительный падеж: *новая*; винительный падеж: *новую*; родительный, дательный, творительный, предложный падеж: *новой*. В мужском роде не отличаются от форм полных прила-

¹ А. М. Пешковский, Объективная и нормативная точка зрения на язык. «Избранные труды», Учпедгиз, М., 1959, стр. 54.

гательных формы творительного и предложного падежа: *петиным* — как *новым*, о *петином* — как о *новом*. Автор первой русской стилистической грамматики В. И. Чернышев, считая такое изменение ошибочным, вместе с тем признавал: «Такое неправильное склонение встречаем мы не только в современной периодической печати, но даже у знаменитых писателей»¹, что подтверждают приводимые им примеры из произведений И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого и др. Тенденция к унификации парадигмы привела к тому, что в современном литературном употреблении закрепились — как в устной, так и в письменной речи — формы *петиного*, *петиному* (вместо старых *петина*, *петину*)².

«Консервативность «языкового идеала», — пишет Р. Р. Гельгардт, — неминуемо создает конфликты между грамматическим, произносительным или лексикографическим сводом «законодательных установлений» и новыми явлениями, еще не узаконенными, но уже достаточно прочно укоренившимися в практике литературной речи. Поэтому в кодексах законов употребления литературного языка могут иметь место факты, утратившие свою «образцовость» и переставшие большинством расцениваться как «правильные», а также отдельные предписания и характеристики, настолько устарелые, что с ними почти никто не считается. Часто, несмотря на запреты и преграды, языковые факты могут получить столь широкое признание, что указания на их «неправильность», «нелитературность» вызывают у многих носителей литературного языка только недоумение»³.

¹ В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, вып. 2, Части речи, изд. 2, Пг., 1915, стр. 183.

² Этот процесс унификации форм родительного и дательного падежа притяжательных и качественно-относительных прилагательных происходит только в прилагательных с суффиксом *-ин* и не затронул прилагательных с суффиксом *-ов* (*отцов пиджак* — *отцова пиджака*, *отцову пиджаку*, а не «отцового», «отцовому»). Главная причина этого, по-видимому, заключается в том, что прилагательные на *-ов* встречаются в литературном языке значительно реже прилагательных на *-ин*, которые без ограничений образуются от уменьшительных личных имен на *-а (-я)*, типа *Маша*, *Саша*, *Петя*, *Надя* и т. п.

³ Р. Р. Гельгардт, О языковой норме. «Вопросы культуры речи», вып. 3, изд. АН СССР, М., 1961, стр. 24.

Другой причиной расхождения нормы и кодификации может быть субъективный подход к установлению тех или иных правил, без учета закономерностей, действующих в современном литературном языке¹.

Наконец, причиной расхождения современной нормы и рекомендаций, встречающихся в некоторых популярных книгах, может быть и недостаточная осведомленность автора в лингвистике, незнание законов языка.

Как тут не вспомнить великолепные стихи А. Т. Твардовского:

В деле своем без излишней тревоги
Мы затвердили с давнишней поры
То, что горшки обжигают не боги,
Ну, а не боги, так — дуй до горы.
Только по той продвигаясь дороге,
Нам бы вдобавок усвоить пора:
Верно, горшки обжигают не боги,
Но обжигают их — мастера!

Язык и орфография

Прошедшая осенью 1964 г. дискуссия о реформе орфографии показала недостаточную осведомленность некоторых читателей в вопросах языка². Поэтому приходится оговориться, что в брошюре рассматриваются некоторые вопросы языковой, но не орфографической нормы. Графика и орфография — это внешняя оболочка, «костюм» языка. Языки могут менять графику (например, многие тюркские языки нашей страны пользовались арабской графикой, в 20-е годы перешли на латинизированный алфавит, а с конца 30-х годов стали пользоваться алфавитом на русской графической основе). Меняется, медленно и постепенно,

¹ См., например, в этой связи обоснованные возражения А. К. Панфилова против встречающихся в литературе рекомендаций употреблять прилагательное в форме женского рода в сочетаниях типа *уважаемый товарищ Петрова* («Уважаемый товарищ или уважаемая товарищ?»). «Вопросы культуры речи», вып. 6, изд. «Наука», М., 1965, стр. 189—195).

² Достаточно вспомнить хотя бы утверждения о разном звучании *ц* в словах *огурцы* и *революция*. В нескольких заметках утверждалось, что по-русски говорят не *револю[цы]я*, а *револю[ци]я*, что, следовательно, написание слова *огурцы* с *и* на конце означает требование произносить *огур[ци]*, и т. п. (надо думать, что те, кто писал это, сами владеют русским языком и, значит, произносят одинаково *огур[цы]*, *[цы]ган*, *[цы]рк*, *сек[цы]я* и т. п. — только так и говорят по-русски).

язык — вместе с этим возникает необходимость в изменении орфографии. Но изменения в графике и орфографии не оказывают непосредственного влияния на развитие языка (хотя с развитием грамотности усиливается влияние письма на произношение. Например, под влиянием письма резко сократилось количество слов, в которых орфографическое сочетание **чн** произносится как **шн**: *коне* [шн]о, *праче* [шн]ая, *ску* [шн]о — но уже только *кори* [чн]евый, *подсве* [чн]ик, *таба* [чн]ый, *огуре* [чн]ый и др.¹; архаичным стало произношение *посту* [къ]вать, *вытас* [къ]вать, *вытя* [гъ]вать и под., вытесненное под влиянием орфографии произношением *посту* [к'ъ]вать, *вытас* [к'ъ]вать, *вытя* [г'ъ]вать и под.², и т. д.). В отличие от изменений в языке, изменения графики и орфографии — вводимый декретом однократный акт, такое изменение (опирающееся в большей или меньшей степени на языковые законы) зависит от воли людей.

Система языка

Язык системен. Это означает, что однородные элементы языка взаимосвязаны, создавая совокупность всех возможных языковых образований³. Система — это не то, что реально существует в языке, а все то, что может быть в нем создано. Система языка, как писал Э. Косериу, — это система возможностей, она «охватывает идеальные формы реализации определенного языка, то есть технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности»⁴.

Так, в системе русского словообразования есть словообразовательные модели «глагольная основа + суффикс **-тель**», «глагольная основа + суффикс **-щик**», «глагольная основа + суффикс **-ник**». Одно из значений существительных, образованных по этим моделям, — название

¹ См.: Р. И. А в а н е с о в, Русское литературное произношение, изд. 2, Учпедгиз, М., 1954, стр. 101—104.

² Т а м ж е, стр. 126.

³ Строго говоря, язык — система систем: каждый из уровней языка — фонетический, словообразовательный и т. д. — представляет собой систему, и все эти системы, в своей взаимосвязи и взаимозависимости, образуют систему языка (см.: Н. С. Т р у б е ц к о й, Основы фонологии. Изд. иностр. лит., М., 1960, стр. 98).

⁴ Э. К о с е р и у, Синхрония, диахрония и история. «Новое в лингвистике», вып. 3, Изд. иностр. лит., М., 1963, стр. 175; см. обзор работ Э. Косериу, сделанный А. А. Леонтьевым, в кн.: «Структурно-типологические исследования», изд. АН СССР, М., 1962, стр. 206—210. Ср.: Ю. С. С т е п а н о в, Основы языкознания, изд. «Прогресс», М., 1965, стр. 99 и след.

лиц по их деятельности, например *бурильщик, искатель*. Модели, следовательно, позволяют образовать существительные с соответствующим значением, присоединив к глагольной основе суффиксы *-тель, -щик* или *-ник*.

Но далеко не все возможности, предоставляемые системой, действительно реализуются в языке. Система языка может содержать и «пустые клетки», ничем не заполненные в структуре языка. Например, в рассматриваемом случае система дает возможность присоединить к каждой из приведенных в таблице глагольных основ суффиксы *-тель, (-ль)щик* или *-ник*, для того чтобы образовать существительное, называющее лицо по его деятельности. Но реально, как показывает следующая таблица, эти суффиксы не могут быть безразлично присоединены к какой угодно глагольной основе: с одними основами соединяется только суффикс *-тель*, но не может быть соединен суффикс *-щик*, с другими основами употребляется только второй суффикс, наконец от некоторых основ существительные с названным значением образуются с помощью иных суффиксов. Схематически это можно изобразить следующим образом:

Глагол	Суффиксы		
	<i>-тель</i>	<i>-(ль)щик</i>	<i>-ник</i>
<i>болеть</i>	—	<i>болеельщик</i>	—
<i>вредить</i>	<i>вредитель</i>	—	—
<i>грабить</i>	<i>грабитель</i>	—	—
<i>губить</i>	<i>губитель</i>	—	—
<i>доить</i>	—	—	—
<i>испытать</i>	<i>испытатель</i>	—	—
<i>клеветать</i>	—	—	<i>клеветник</i>
<i>курить</i>	—	<i>курильщик</i>	—
<i>ловить</i>	—	—	—
<i>мечтать</i>	<i>мечтатель</i>	—	—
<i>мостить</i>	—	<i>мостильщик</i>	—
<i>паять</i>	—	<i>паяльщик</i>	—
<i>сеять</i>	<i>сеятель</i>	<i>сеяльщик</i>	—
<i>строгать</i>	—	<i>строгальщик</i>	—
<i>точить</i>	—	<i>точильщик</i>	—
<i>читать</i>	<i>читатель</i>	—	—
<i>шутить</i>	—	—	<i>шутник</i>

Как видно, в этой схеме есть ряд пустых клеток — нереализованные возможности системы¹. В русском языке нет теоретически возможных слов «болетель», «вредильщик», «грабильщик», «доитель», «куритель», «ловитель» или «ловильщик» и т. п.². Но такие слова не нужны — они ничем не отличались бы по значению и употреблению от бытующих в языке слов *болельщик*, *вредитель* и т. д. Их отсутствие — одно из проявлений стремления языка не допускать абсолютных синонимов. В тех случаях, когда встречаются параллельные образования, они различаются по значению или по употреблению. Например, *сеяльщик* в большом академическом словаре толкуется так: «1. Сельскохозяйственный рабочий, занимающийся посевом семян». «2. Рабочий, занятый просеиванием чего-либо». Слово *сеятель* имеет особую стилистическую помету: «Человек, занимающийся посевом семян; сеяльщик (в высокой торжественно-риторической речи)». Кроме того, для слова *сеятель* указано переносное употребление: «Тот, кто распространяет что-либо среди людей. *Сеятель* знания, свободы и т. п.»³.

Схема показывает, кстати, и то, что образования с разными суффиксами могут появиться от основ, принадлежащих к одной грамматической группе, например: *читать* — *читатель*, но *строгать* — *строгальщик*, *клеветать* — *клеветник*; *шутить* — *шутник*, но *курить* — *курильщик*, *губить* — *губитель* и т. п.

¹ «...никогда, ни в какую эпоху говорящими не были и не могли быть использованы до конца все формальные возможности, представляемые языком; каждая последующая эпоха в своих новообразованиях руководилась не общей тенденцией к систематичности, а кругом ассоциаций, с одной стороны, с тем, что уже реально в языке осуществилось, и, с другой стороны, с тем, что нуждалось в выражении». «Указанные особенности словообразования исключают возможность полностью описать язык, ограничившись характеристикой значений его словопроизводственных элементов. Овладеть словообразовательной структурой языка можно, за исключением некоторых особенно продуктивных категорий, только шаг за шагом усваивая каждое отдельное слово» (Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, т. I, изд. 5, изд. «Радянська школа», Киев, 1952, стр. 130).

² «Писальщик, читальщик, ковырляльщик никогда не входили и не входят в словарь, но могут быть всегда сделаны и правильно поняты» (Л. В. Щербач, Очередные проблемы языковедения. «Избранные работы по языкознанию и фонетике», т. I, изд. ЛГУ, 1958, стр. 17).

³ «Словарь современного русского литературного языка», т. 13, изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стлб. 739—740.

Структура языка

Система языка — это система его возможностей. Структура языка — это система реально существующих в данном языке в данное время явлений. «Под структурой следует понимать единство разнородных элементов в пределах целого»¹. В структуре языка реализуются возможности, содержащиеся в системе языка. Поэтому в отличие от системы, имеющей дело с моделями, структура содержит, кроме того, и списки, которые характеризуют реальное наполнение моделей, распределение языковых образований между различными моделями. Например, в приведенных ранее моделях образований с суффиксами **-тель, -щик, -ник** списком определяются образования с тем или иным суффиксом от различных глагольных основ.

Система русского глагола позволяет, например, образовать от приставочных глаголов совершенного вида, соотносительных с бесприставочными глаголами несовершенного вида, действительные причастия будущего времени. Эта возможность создается параллелизмом парадигм настоящего времени и будущего простого. Параллелизм личных и причастных форм прошедшего времени создает в системе место и для причастий сослагательного наклонения.

Соотношение личных и причастных форм видно из следующей таблицы:

		Изъявительное наклонение		Сослагательное наклонение
		Настоящее (будущее простое) время	Прошедшее время	
Несовершенный вид	Личная форма	<i>пишу</i>	<i>писал</i>	<i>писал бы</i>
	Причастие	<i>пишущий</i>	<i>писавший</i>	—
Совершенный вид	Личная форма	<i>напишу</i>	<i>написал</i>	<i>написал бы</i>
	Причастие	—	<i>написавший</i>	—

¹ А. А. Реформатский, Введение в языковедение, изд. 4, изд. «Просвещение», М., 1967, стр. 25.

Как видно, в системе есть место для причастий будущего времени «напишущий», сослагательного наклонения «писавший бы», «написавший бы».

Возможность образования причастий будущего времени и сослагательного наклонения, предоставляемая системой, подтверждается и тем, что такого рода причастия изредка встречаются в речи, например: *Другая бумага содержала в себе отношение губернатора соседственной губернии о убежавшем от законного преследования разбойнике и что буде окажется в их губернии какой подозрительный человек, не **предъявляющий*** [т. е. «который не предъявит» — причастие будущего времени] *никаких свидетельств и наипортов, то задержать его немедленно* (Н. В. Гоголь, Мертвые души, т. I, гл. IX); *...лес для поднятия на известную вершину, с которой можно начать здание, **полетающее** к небесам* (К. Аксаков, Русская старина, 1890, II, стр. 407); *Верховный суд США прекратил дело, сделав оговорку, однако, что если **найдутся** добровольцы, **пожелающие** зарегистрироваться, то правительство может возобновить дело против партии* (Из газет); *Протекише лета, о которых всегда плачет казак, **желавший бы**, чтобы вся жизнь его была молодость* (Н. В. Гоголь, Тарас Бульба); *Некоторые валили небольшие деревья, **помешавшие бы** съёмке* (Э. Котлоу, Занзабуку, перев. с англ., М., 1960, стр. 99). В начале нашего века Д. Н. Кудрявский считал, что такие причастия могут укрепиться в русском языке: «В настоящее время в русском языке, по-видимому, создается категория причастия будущего времени (совершенного вида); в языке оно уже нередко встречается, например:

Неумолима глубина

Под вами вскроющейся бездны»¹.

Приведя в качестве «несомненной ошибки» пример: *обещали поместить на первые **открывающиеся** вакансии*, В. И. Чернышев пишет в примечании: «Словоупотребление необычное и смелое, хотя понятное и хорошо выражающее мысль»². Форма *открывающиеся* «понятна и хорошо выражает

¹ Д. Н. Кудрявский, Введение в языкознание, 1912, стр. 95. Цит. по кн.: В. В. Виноградов, Русский язык, Учпедгиз, М., 1947, стр. 277.

² В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, изд. 3, Пг., 1915, стр. 11.

мысль» потому, что для нее есть место в системе русских причастий. Но причастия будущего времени в современном языке единичны, остаются за пределами литературного употребления, отсутствуют в структуре современного русского литературного языка. Это «пустая клетка» в системе причастных форм. Такой же «пустой клеткой» в системе языка оказываются и причастия сослагательного наклонения.

**Модели
и списки
в структуре
языка**

Структура языка включает в себя два вида языковых явлений: явления, объединяемые общими формулами, т. е. модели, и явления, отнесение которых к тому или иному разряду определяется особо для каждого отдельного факта языка в словарном порядке, — т. е. списки. Модели охватывают в основном живые, продуктивные для современного языка явления. Так, правило (модель) говорит, что существительные на твердый согласный (не шипящий) имеют в дательном падеже единственного числа окончание **-у**, например *стол — столу*. Правило говорит, что глаголы с одними формальными показателями имеют в третьем лице множественного числа настоящего (будущего простого) времени окончание **-ат**, глаголы с другими показателями — окончание **-ут**, например *кричат, закричат, идут, пойдут*.

Но наряду с этим в языке есть много явлений, которые не могут быть объединены правилом. «Данный язык не родился внезапно, — писал И. А. Бодуэн де Куртенэ, — а происходил постепенно в течение многих веков: он представляет результат своеобразного развития в разные периоды. Периоды развития языка не сменялись поочередно, как один караульный другим, но каждый период создал что-нибудь новое, что при незаметном переходе в следующий составляет подкладку для дальнейшего развития»¹.

Значительную часть явлений, не объединяемых моделями, составляет то, что осталось в языке от предшествующих периодов его развития, сохраняется в нем, но не находит себе места в живых, продуктивных моделях, и то, что пришло из других языков (заимствования).

Такие явления определяются в словарном порядке,

¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Некоторые общие замечания о языковедении и языке. «Избранные труды по общему языкознанию», т. I, изд. АН СССР, М., 1962, стр. 67.

задаются списком (разумеется, список должен отражать не вкусы пишущего, а объективно сложившееся в современном языке употребление). Списки регистрируют в структуре языка распределение образований между моделями, языковое наполнение моделей (как продуктивных, так и непродуктивных). Словарем, т. е. списком, определяются как грамматические, так и лексические явления.

Списком фиксируются, например, возможности лексической сочетаемости слов. Так, синонимы *иностранный*, *заграничный*, *иноземный* различаются возможностью соединения с разными словами, например *иностранные языки*, *иностранная литература*, *иностранное имя*, *иностранные слова*, *иностранный корабль* — но *заграничная ткань*, *заграничное плавание* — *иноземные обычаи*; ср. *иностран-ный паспорт* (выданный в другой стране) — *заграничный паспорт* (выданный для поездки за границу).

Списком регистрируются многие явления словообразования. Так, в современном языке есть отглагольные существительные с первоначальным значением орудия действия, образованные от глагольных основ с помощью суффикса *-л-о*, например: *било* («то, чем бьют»), *давило* («то, чем давят» — тиски, пресс для выжимания сока из винограда), *кадило* («то, чем кадят» — сосуд для курения ладаном), *кресало* (обл. и устар. — «то, чем кресают, высекают огонь» — т. е. огниво), *крыло* («то, что кроет, прикрывает» птицу), *покрывало* («то, чем покрывают»), *пугало* («то, чем пугают»), *рыло* («то, чем роет» — землю свинья), *скребло* («то, чем скребут» — в современном языке употребляется для обозначения кремневого орудия первобытного человека), *точило* («то, чем точат»), *тесло* («то, чем тешут»), *шило* («то, чем шьют») и т. п. Некоторые из производящих глаголов уже исчезли из живого употребления, например древнерусские *опахати* — «обмахивать», *одеяти* — «одевать», откуда *одеяло* — «одежда», «одеяло», «покрывало». Архаизмами стали слова *рало*, *опахало*, только в профессиональной речи употребляются *тесло*, *давило*. Но слова *одеяло*, *шило*, *крыло*, *покрывало* прочно удерживаются в современном литературном языке, хотя и оказались вне продуктивных моделей.

Списки определяют в ряде случаев управление слов. Эту особенность управления отмечал еще Л. В. Щерба: «Следует предостеречь от общераспространенного пред-
рассудка, будто управление слов определяется грамма-

тикой: на самом деле оно чаще всего оказывается принадлежностью каждого отдельного слова, а потому является фактом словаря»¹.

Только списком устанавливается различное управление синонимичных слов, например *говорить, рассказывать* (о чем-нибудь) — *излагать, описывать* (что-нибудь); *осудить* (на что-нибудь) — *приговорить* (к чему-нибудь); *обосновать* (чем-нибудь) — *основать* (на чем-нибудь); *превосходство* (над кем- — чем-нибудь) — *преимущество* (перед кем- — чем-нибудь) и т. д.

Это относится и к тем случаям, где, казалось бы, можно построить модель. Так, невозвратные глаголы с приставкой **на-** имеют такие модели управления:

1) **«на- + глагол + (что-нибудь) на что-нибудь»**: *набить обруч на кадку, набрести на лужайку, наvertеть, навести, навезть, навинтить, навить, навелчь, навьючить, надеть, накинуть, наклеить, налепить, налечь, налить, наложить, намотать, нанизать, наплевать, насадить, насесть, наскочить, наслать, натечь, натолкнуть, натравить, натянуть что-нибудь на что-нибудь;*

2) **«на- + глагол + род. пад. (ед. или множ. числа)»**: *навозить хворосту, навалить рыбы, надоить молока, накипятить воды, наквасить капусты, накидать снегу, накосить сена, напасти добра, напиться воды, напрясть пряжи, нащепать лучины; навешать картин, закупить книг, напечь пирогов, нарвать цветов, засушить грибов, насолить огурцов* и т. д.

Но, во-первых, выбор падежа определяется значением приставочного глагола: винительный падеж с приставкой **на-** употребляется при глаголах, обозначающих направление на предмет, столкновение с ним (например, *наско-*

¹ Л. В. Щ е р б а, Преподавание иностранных языков в средней школе. «Общие вопросы методики», изд. АН СССР, М., 1947, стр. 93.

Е. В. Кротевич справедливо предостерегает против того, чтобы абсолютизировать это утверждение Л. В. Щербы. Он пишет, что «форма косвенного падежа подчиненного слова обуславливается в конечном итоге значением данного словосочетания, отражающего объективные отношения между предметами и явлениями реальной действительности или отношения, воспринимаемые как таковые». Но и он не отрицает того, что «в известных случаях выбор падежной формы поясняющего слова зависит от лексико-семантических особенностей и грамматических возможностей как господствующего, так и определяющего членов словосочетания» (Е. В. К р о т е в и ч, О связях слов, Львов, 1959, стр. 22).

чить на мель), наложение на предмет (например, *наклеить марку на конверт*); распространенность действия на неопределенное количество материала, предметов (например, *навозить песку, наколоть дров*); основательность, а в некоторых случаях и избыточность действия (*напудрить лицо* — ср. *припудрить лицо*; *натопить печь* — ср. *истопить печь*)¹.

Во-вторых, ряд глаголов с приставкой **на-** имеет иные значения, не укладываемые в указанные группы, например: *написать письмо, нарисовать дом* (приставка **на-** имеет здесь чисто грамматическое значение — она образует глаголы совершенного вида от глаголов несовершенного вида *писать, рисовать*); *насмеяться над кем-нибудь* (то же значение приставки **на-**), *настоять водку на травах; набить вещевые мешки продуктами* и т. д.

Так же обстоит дело и с моделью «**пере-** + глагол + *через что-нибудь*» (при глаголах, обозначающих перемещение в пространстве): *перебежать через что-нибудь, перебраться, перебрести, перебросить, перевалить; перевезти, перевести, перегнуться, переехать, перейти, перекатить, перекинуть, перелезть, перелететь, перелить, перемахнуть, перенести, переплыть, переползти, переправить, перепрыгнуть, перескочить, переступить, перешагнуть через что-нибудь*; но глаголы, управляющие по этой модели, тоже определяются в структуре языка списком — это только глаголы, обозначающие перемещение в пространстве (однако при глаголе с приставкой **пере-**, обозначающем перемещение через что-нибудь, может быть и винительный падеж без предлога, например: *перейти дорогу, переплыть реку*, — но нельзя «перелезть забор», «переползти комнату»). Ср. управление «**пере-** + глагол + винительный падеж» при глаголах, обозначающих чрезмерность действия, поочередный охват действием всех предметов, действие, которое производится заново: *переварить варенье* (слишком долго варить или повторно варить), *пережарить мясо* (такие же два значения), *переоценить его возможности* (слишком высоко оценить), *переоценить товары* (изменить цену, т. е. повторно оценить), *перекалить подкову, пересолить щи* и т. д.; *пересмотреть все картины, перечитать все книги, перемыть*

¹ См.: «Грамматика русского языка», т. 1, изд. АН СССР, М., 1960, стр. 584—585.

все овощи (но ср. *все переболели*, где винительный падеж при глаголе невозможен).

Аналогичную картину представляют собой и другие словообразовательные модели глаголов, например: 1) «*до-* + глагол + *до* + родительный падеж» — главным образом при глаголах движения, со значением достижения цели: *добежать до чего-нибудь, добраться, добрести, догрести, дожить, дойти, докатиться, доковылять, докопаться, долежать, донестись, доползти, дорваться, досидеть, дослужиться, дотащиться, дотянуться, дошагнуть до чего-нибудь*, но также и при иных глаголах, с общим значением «достичь предела», например: *Вот ты до чего договорился* (Гончаров, Обломов); ...*до чего дописался князь Мецкерский...* (Достоевский)¹; 2) «*до-* + глагол + винительный падеж» — со значением завершения действия: *дожать, доиграть, докосить, докурить, доломать, допечатать, допилить, дописать, досказать, достроить, допить* и т. д. *что-нибудь*; эта модель может иметь и значение дополнительного действия: *дописать*; 3) глаголы, при которых зависимый падеж не может быть употреблен, например: *догнать, догореть* и т. д., или необязателен, например: *доспать* и т. д.

В ряде случаев модель «*до-* + глагол + *-ся* + *до чего-нибудь*» (*дописаться до чего*) соотносительна с моделью «бесприставочный невозвратный глагол + винит. падеж» (*дописать что-нибудь*). Но наряду с этим модель «бесприставочный невозвратный глагол + винительный падеж» может соотноситься и с моделью «*до-* + глагол + винительный падеж + *до* + родительный падеж», например: *везти фрукты — довести фрукты до станции назначения*.

Наряду с этим есть серия глаголов с приставкой *до-* связанной основой, например *добавить* (ср. *прибавить, убавить*, при отсутствии «бавить»), *довершить* (ср. *совершить, завершить*, при устарелом *вершить*), *доказать* (ср. *указать, показать* при отсутствии «казать») и т. д.², с опущенной, производной для современного языка основой, например *добыть, доверить, dokonать* и т. д.

Таким образом, в сфере управления даже в случаях, объединяемых моделью, лексическое наполнение ее, от-

¹ См.: «Словарь современного русского литературного языка», т. 3, М.—Л., изд. АН СССР, 1954, стр. 988.

² Имеется в виду отсутствие глаголов *бавить, казать* и под. в литературном языке.

несение слов к той или иной модели определяется списком.

Модель может втягивать в сферу своего влияния и вне-модельные образования. Так, в нормативных пособиях подчеркивается различное управление синонимичных слов *примириться с чем-нибудь* и *смириться перед чем-нибудь*. В современной речи при втором глаголе встречается и иное управление: *смириться с чем-нибудь*. Каковы причины появления этого нового управления? Во-первых, здесь сказалось влияние управления при синонимичном глаголе *примириться*; во-вторых, — и это, по-видимому, основное — на изменение управления воздействовала живая модель современного глагольного управления — продуктивные конструкции типа «с- (со-) ...-ся с кем- — с чем-нибудь», например: *сблизиться, свыкнуться, сговориться, сжиться, склеиться, скреститься, слиться, согласиться, соединиться, сойтись, соприкоснуться, сочетаться, спеться, списаться, справиться, сравниться, столкнуться* и т. д. с кем- — с чем-нибудь. Глагол *смириться* был поглощен этой моделью, и в современном употреблении уже более обычным является *смириться с чем-нибудь*¹.

Историческими изменениями в системе языка объясняются особенности образования некоторых форм причастий.

Деепричастия, как известно, восходят по происхождению к именительному падежу кратких действительных причастий. В древнерусском языке была такая система причастий (для простоты приводятся только формы именительного падежа единственного числа мужского рода):

	Действительные		Страдательные	
	Именные	Местоименные	Именные	Местоименные
Настоящее время	<i>читаю</i>	<i>читаюй</i>	<i>читаем</i>	<i>читаемый</i>
Прошедшее время	<i>читав</i>	<i>читавый</i>	<i>читан</i>	<i>читанный</i>

¹ Примеры с таким управлением, без каких-либо оговорок, приводит большой академический словарь: *Он слишком полюбил море, ...чтобы смириться со спокойной сухопутной жизнью* (А. Первенцев); ... *Не могу смириться с грубостью, невоспитанностью*

Именные формы причастий рано утратили склонение. Именные формы действительных причастий утратили и способность изменяться по родам, перестали употребляться в качестве определяющих слов при существительных — второстепенных членах предложения и, отделившись от других причастий, образовали особый класс слов — деепричастия.

В современном языке система причастий имеет иной вид:

	Действительные		Страдательные	
	Краткие	Полные	Краткие	Полные
Настоящее время	—	<i>читающий</i>	«читаем»	<i>читаемый</i>
Прошедшее время	—	<i>читавший</i>	<i>читан</i>	<i>читанный</i>

Таким образом, в системе современных причастий (если не учитывать неупотребительности формы «читаем») есть «пустые клетки» — краткие действительные причастия. Но исторически эти места в системе были заняты — и до сих пор краткие формы, соотносительные с современными полными формами действительных причастий, встречаются в литературном языке как исключение (речь идет о словах, имеющих ф о р м у причастий; то, что такие слова могут в современном языке выступать только как прилагательные, как, например, слово *впечатляющий*, или употребляться и как прилагательные, и как причастия, как, например, *руководящий*, — ничего в рассуждениях не меняет). По наблюдениям В. И. Чернышева, употребление кратких форм допускается в «немногих случаях», вроде: *бог всемогущ и всеведущ; сосед сведущ в хозяйстве; его брат работащ; это качество присуще русскому человеку* и т. п. «У смелых писателей, — продолжает В. И. Чернышев, — находим и

или самоуверенностью (Б. И з ю м с к и й); *Но не может Володя с положением смириться...* (И. А в р а м е н к о) — все три примера из литературы послевоенных лет (см.: «Словарь современного русского литературного языка», т. 13, М.—Л., изд. АН СССР, 1962, стлб. 1399).

такие формы, как *животрепецущ*, *верующ*, *сумасшедши*, *самодовлеющ*»¹. Ср. единичные примеры подобного употребления, встретившиеся в современных газетах: *Еще более впечатляющи* шумы в фильме Жебрюнаса «Черная процессия» (Из газет); *Весь он руководящ* до чрезвычайности (Из газет — фельетон).

Интересно, что вне системы причастий, среди наречий, подобные образования (*вопрошающе*, *умоляюще*, *ласкающе*, *возбуждающе*, *раздражающе* и т. д.) встречаются, как отмечает О. П. Ермакова, начиная с 60-х гг. прошлого века². Тогда же это вызвало, разумеется, резкие возражения пуристов: «Сколько могу припомнить, в произведениях нашей изящной литературы из эпохи карамзинской и пушкинской подобных наречий... мне встречать не приводилось. Это нововведение стало особенно часто утверждаться в сочинениях последних годов, ...нововведение, признаться, крайне нежелательное для привлечения других к подражанию и для применения в грамматике»³.

Нормы,
определяемые
системой
языка

В соответствии со сказанным можно выделить два типа языковых норм: нормы, определяемые системой языка, и нормы, определяемые структурой языка⁴.

Первый тип норм — нормы, которые определяются системой русского языка в отличие от систем других языков. Эти нормы обязательны, не знают исключений. Их нарушение означает выход за пределы возможностей, предоставляемых системой, т. е. не только за пределы того, что

¹ В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, вып. 2. Части речи, изд. 2, Пг., 1915, стр. 329.

² «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие, предлоги и союзы», под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой, изд. «Наука», М., 1964, стр. 222.

³ И. Николч, Неправильности в выражениях, допускаемые в современной печати. «Филологические записки», Воронеж, 1877, вып. 1, стр. 3.

⁴ Ю. А. Бельчиков выделяет три типа норм, «впрочем, по-видимому, в одинаковой степени обязательных»: 1) нормы, закрепляющие и устанавливающие «структурные черты, особенности языка. Совокупность этих норм не тождественна системе языка, но дает полное, наиболее точное представление о ней»; 2) нормы, «регулирующие функционирование слов, фразеологических единиц, форм и конструкций в литературном языке, в отличие от аналогичных явлений, распространенных в диалектах, в профессиональных или вообще социально ограниченных сферах языка, в речевых стилях, которые стоят за рамками литературного языка»; 3) нормы,

реально существует в языке, но за пределы того, что в нем может быть. Иначе говоря, нарушение этих норм означает употребление образований не только несуществующих, но и невозможных в данном языке.

Например, в отличие от тюркских языков все существительные русского языка, употребляемые в форме единственного числа, имеют категорию рода. В отличие от французского языка такие существительные распределяются не по двум, а по трем родовым группам. В отличие от немецкого языка, в котором тоже три рода, в основу деления положены иные формальные признаки. Наконец, в отличие от близкородственных языков (например, украинского) в русском языке иное распределение отдельных слов по родам (ср. укр. *барліг* — русск. *берлога*). В данном случае норма устанавливает не только род существительных с выраженными формальными признаками, типа *дом*, *стена*, *окно*, но и род существительных с основой на мягкий согласный или шипящий и нулевым окончанием, типа *день*, *тень*, *меч*, *речь* (ср. укр. *біль* — мужского рода, русск. *боль* — женского рода). Различие между типом *дом*, *стена* и под. и типом *день*, *тень* и под. заключается в том, что род существительных первого типа определяется моделью («Существительные с основой на твердый нешипящий согласный и нулевым окончанием в именительном падеже единственного числа относятся к мужскому роду» и т. п.), а род существительных второго типа — списком («Следующие существительные с основой на мягкий согласный или шипящий и нулевым окончанием в именительном падеже единственного числа относятся к мужскому роду»)¹.

которые «устанавливают или регламентируют выражение смысловых и эмоционально-экспрессивных оттенков различными языковыми средствами» (см.: Ю. А. Бельчиков, О нормах литературной речи. «Вопросы культуры речи», вып. 6, изд. «Наука», М., 1965, стр. 11). Третий тип норм, связанный со стилистическим использованием языковых средств, относится к иному плану, чем первые два (подробнее об этом см. дальше, стр. 79 и след.).

¹ Из-за отсутствия разных родовых моделей для слов типа *день* и для слов типа *тень* иногда встречаются колебания в отнесении таких слов к мужскому или женскому роду. По-видимому, в связи с малой употребительностью, узкой сферой функционирования и редким употреблением в окружении, в котором обнаруживается род, некоторые слова этой группы встречаются в неправильной родовой форме даже у лиц, в остальном владеющих литературным языком: «красная тюль», «купил толи на крышу», «моет голову шампунью». Ср. более обычные контексты для этих слов, из кото-

Оговорки должны быть сделаны лишь относительно существительных — названий лиц. Род таких существительных определяется полом называемого лица; ср. *староста, судья*, мужские уменьшительные личные имена на *-а: Миша, Сережа*, с одной стороны, и нарицательные, вроде *мадам*, и женские личные имена *Сьюзин, Маргарет, Эллен, Джой* и под. — с другой. Как крайний случай можно вспомнить приводимое Л. Успенским мужское имя *Миледи* — в такой функции это, разумеется, слово мужского рода: *Миледи в прошлом году вернулся из армии и поступил на завод*.

Системой русского языка определяется обязательное согласование прилагательного с существительным в роде, числе и падеже (ср. отсутствие такого согласования в тюркских языках, например казахск. *кара тау* — «черная гора», букв. — «черн гора»; *кара таудан* — «с черной горы», букв. — «с черн горы»; *кара таулар* — «черные горы», букв. — «черн горы» и т. д.); отсутствие в подчиняющем слове показателей, указывающих на наличие при нем определяющего слова (ср. турецк. *ev* — «дом», но *Osmanin evi* — «дом Османа»); согласование сказуемого с подлежащим в лице и числе, оглушение звонких согласных в абсолютном конце слова и т. д.

Некоторые из указанных норм есть, кроме русского, и в других языках (например, тождественны видовые системы русского и украинского языка), но совокупность их и составляет систему русского языка в отличие от других. Нарушение этих норм невозможно в устах носителя языка, отступление от них означает, что человек не владеет русским языком, что это для него неродной язык. Например, не может человек, для которого русский язык — родной, сказать «эта стол», «новый книгами», «мальчики читает», «он будет написать» и т. п.

В системе может существовать возможность параллельного употребления разных форм или конструкций. Выше это было показано на примере словообразовательных рядов — образований с суффиксами *-тель, -щик, -ник*.

Такие же параллельные возможности имеются, например, для согласования сказуемого с подлежащим в числе. Система русского языка позволяет употреблять сказуемое

рых нельзя сделать вывод об их родовой принадлежности: *есть (продают) тюль, привезли толь, купил шампунь* и т. п. (все три слова в современном литературном языке мужского рода).

во множественном числе при подлежащих в форме как множественного, так и единственного числа. Так, в древнерусском языке, как отмечает В. И. Борковский¹, обычным было множественное число при подлежащих — собирательных существительных со значением лица, например *А пойдутъ на насъ Литва* (Моск. договорная грамота 1368 г.); *Идоша всѣ братиѣ и побѣдиша* (I Новгород. летопись); *Рекоша дружина Игоревѣ* (Лаврентьевская летопись) и т. д. В русских народных говорах, по наблюдениям А. Б. Шапиро, «в подавляющем большинстве случаев сказуемое при таких подлежащих ставится во мн. числе, если подлежащее обозначает совокупность предметов одушевленных», например: *Бригада придутъ* (Ряз.); *Народ то под барами жили* (Ряз.); *Мѣладѣжь собралися* (Ряз.); *Лесная то стража были слабые...* (Вол.); *А нивестина родня гулять приходят* (К а р а у л о в, Говор гребенских казаков) и т. д.² Такие конструкции изредка встречаются и в литературном языке XVIII—XIX вв., например: *Целый полк знали...* (Д. И. Фонвизин) и т. д.

Во множественном числе стоит в литературном языке сказуемое, выраженное спрягаемой формой глагола, или именная часть сказуемого, выраженная кратким прилагательным, при так называемом *вы вежливости*, например: *Вы писали; Вы еще молоды*. Поэтому встречающееся в просторечии при подлежащем *вы*, отнесенном к одному лицу, множественное число именной части сказуемого, выраженной существительным или полным прилагательным, например *Вы старики* (Г р и б о е д о в), недопустимое в литературном языке, «вписывается» в систему русского национального языка. Но система русского языка не знает употребления единственного числа сказуемого при подлежащем, имеющем форму множественного числа. Поэтому вне системы русского языка оказываются предложения типа «Вы сказали», «Вы писала». Такие предложения встречаются у лиц, не владеющих литературным языком, и свидетельствуют о стремлении говорящего строить свою речь в соответствии с литературной нормой: усвоив нелитературность конструкций типа *вы старики*, говорящий неправомерно обобщает правило, существующее в литературном

¹ См.: В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), Львов, 1949, стр. 37.

² См.: А. Б. Шапиро, Очерки по синтаксису русских народных говоров, изд. АН СССР, М., 1953, стр. 179.

языке. Вместо правила «Существительное и полное прилагательное при *вы* вежливости употребляются в сказуемом в единственном числе» он пользуется своим, более широким: «Сказуемое при *вы* вежливости ставится в единственном числе».

Нормы,
определяемые
структурой
языка

Второй тип норм — это нормы, определяемые структурой языка, нормы, накладывающие ограничения на возможности, предоставляемые системой. Эти нормы также являются обязательными, но отступление от них иногда не так очевидно, как нарушение норм первого типа: в тех случаях, когда говорящий употребляет форму или конструкцию, допускаемую системой языка, но отсутствующую в его структуре, он пользуется образованием, по крайней мере теоретически не противоречащим основным законам данного языка, он употребляет то, чего нет в языке, но что могло бы в нем быть.

К таким нормам, например, относятся норма, утверждающая отсутствие в современном русском литературном языке причастий будущего времени, нормы словообразования и т. д.

Этот тип норм накладывает ограничения внутри системы языка; противоречащими подобным нормам могут быть образования, созданные по существующим в языке моделям. Такое положение возникает в тех случаях, когда некоторые возможности, предоставляемые системой, остаются нереализованными в структуре языка, а также в случаях, когда система предоставляет несколько возможностей выразить данное значение. В таких случаях возможность употребить тот или другой вариант определяется перечнем, списком.

Например, ударение *овца́*, *коза́* относится к нормам первого типа, отступление от него, ударение *о́вца*, *ко́за* отсутствует в русском языке. Но ударение *овца́* — *овцу*, *коза́* — *козу* включается в одну из акцентологических моделей современного языка: ср. соотношение *нога́* — *но́гу*, *рука́* — *ру́ку* и т. п. Следовательно, формы *овцу*, *козу* представляют собой не отсутствующие в языке, а живые (хотя и непродуктивные) модели, такие формы допускаются системой языка (ударения *овцу*, *козу* зафиксированы в говорах). Ненормативность этих форм объясняется, следовательно, не тем, что они противоречат модели (хотя такая модель в современном языке непродуктивна), а их

неупотребительностью в литературном языке, тем, что они отсутствуют в списке существительных женского рода с ударением на последнем слоге в именительном падеже единственного числа, у которых в винительном падеже единственного числа ударение перемещается на основу (ср. *нога́, ногѝ — нѡгу; рука́, рукѝ — рѹку; голова́, головѣ — гѡлову; доска́, доскѝ — дѡску* и т. п.). Парадигма *овца́, овцѣ — ѡвцу* соответствует одному из существующих в современном языке акцентологических типов, хотя и лежит за пределами литературного употребления.

В связи с тем что отступления от норм рассматриваемого типа не выходят за пределы системы языка, именно здесь мы чаще всего встречаемся с ненормативными образованиями, именно здесь располагаются зоны ошибок.

**Критерии
нормы:**

**1. Соответствие
модели**

Перейдем к рассмотрению основных критериев, необходимых и достаточных для того, чтобы говорить о соответствии данного явления норме.

Первое условие нормативности языкового явления и, следовательно, его кодификации — соответствие данного явления продуктивным словообразовательным, морфологическим, синтаксическим и т. п. моделям. «Все то новое, развивающееся, что оправдано внутренними законами развития языка, соответствует его структуре, опирается на живые тенденции народного творчества, на активные процессы в области грамматики, семантики, словоупотребления, словообразования и т. п., не может считаться «неправильным», не может отвергаться на основе индивидуальных вкусов и привычек: оно входит или может войти в язык независимо от этих вкусов. Напротив, то, что создается — обычно искусственно — вопреки живым нормам и тенденциям развития литературного языка, что механически переносится в него из диалектов и жаргонов, то и представляет собой «неправильности» в собственном смысле этого слова...»¹.

В большинстве случаев, когда в языке отсутствуют параллельные модели, соответствие того или иного явления модели очевидно. Это касается, например, парадигм словоизменения, большей части типов словообразования, большинства синтаксических моделей.

¹ В. В. Виноградов, Задачи советского языкознания..., «Вопросы языкознания», 1952, № 1, стр. 26.

Так, очевидно, что не соответствует модели современного языка окончание **-а (-я)** в именительном падеже множественного числа существительных женского рода на согласный (ср. формы *деревня́, площа́дь, матеря́, печа́, шинеля́, лошада́* и т. п. в говорах юго-восточной диалектной зоны)¹, употребление именительного падежа множественного числа существительных при именительном падеже числительных (ср. сочетания *два во́лы, три парни́, четыре ко́леса* в говорах Великолукской, Смоленской, Брянской области)², употребление деепричастия в роли сказуемого (ср. предложения типа *Поезд ушовиши, Дерево в лесу упавиши* в говорах западной диалектной зоны, главным образом на северо-западе)³ и т. д.

В иных случаях соответствие образования модели не столь очевидно, для его установления необходимы дополнительные исследования. Особенно это касается словообразовательных моделей. Так, в речи встречаются прилагательные *купейный* и *купированный* (употребляемые только со словами *вагон, место*). Высказывалось мнение, что ни одно, ни другое прилагательное не противоречит нормам литературной речи⁴. Проверка показывает, что это утверждение нельзя признать справедливым.

По какой модели образовано слово *купированный*? В современном литературном языке существует модель образования страдательных причастий прошедшего времени от глаголов на **-ировать**, например: *делегированный, мотивированный, идеализированный* и т. п. (возможная адъективация подобных причастий ничего не меняет в рассуждениях). Но форма *купированный* не является причастием, несоотносительна ни с каким глаголом. Отсутствующий в толковых словарях глагол *купировать* употребляется в различных сферах профессиональной речи в трех значениях: 1. «смешивать несколько сортов вин для создания букета» (в виноделии); 2. «резко (обычно с помощью медикаментов) обрывать естественное течение

¹ См.: «Русская диалектология», под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, изд. «Наука», М., 1964, стр. 114, 261.

² Там же, стр. 175.

³ Там же, стр. 192, 244.

⁴ См.: Г. А. Махароблидзе, *Купированный, купейный, купейность*. «Вопросы культуры речи», вып. 5, М., 1963, стр. 183—185; ср.: В. А. Ицкович, *Купированный или купейный?* «Вопросы культуры речи», вып. 6, М., 1965.

блезни» (в медицине); 3. «обрезать собакам (доберманам и бульдогам) хвосты и уши» (в собаководстве). Но этот глагол не имеет значения «делить на купе» или «состоять из отдельных купе».

Следовательно, форма *купированный* — не причастие, а прилагательное. Но тип прилагательных на **-ированный**, несоотносительных с причастиями, не является продуктивной моделью в современном русском языке. Из 42 образований на **-ированный**, приведенных в обратном словаре под ред. Г. Г. Бильфельда¹, 39 представляют собой причастия от глаголов на **-ировать** и лишь три слова не имеют соотносительных глаголов — прилагательные *привилегированный*, *экзальтированный*, *эрудированный*. Первые два прилагательных, по-видимому, представляют собой кальки, они соотносительны с французскими страдательными причастиями *privilegié*, *exalté*, третье, еще отсутствующее в «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова, образовано, очевидно, по живой модели современного языка, ср.: *реквизиция* — *реквизировать* — *реквизированный*; *концентрация* — *концентрировать* — *концентрированный*; аналогично: *эрудиция* — *эрудировать* — *эрудированный*. С этой моделью, кстати говоря, соотносительно и второе из названных прилагательных: *экзальтация* — *экзальтировать* — *экзальтированный*. Но слово *купированный* не может быть включено в этот тип образования, не относится к этому словообразовательному ряду — наш язык не знает слова «купация».

Таким образом, слово *купированный* не соотносится ни с какой современной словообразовательной моделью. Не является оно и морфологической калькой (как приведенное выше слово *привилегированный*): суффикс **-ировать** мог бы указывать на заимствование из немецкого или непосредственно из французского языка, но в обследованных словарях этих языков нет глагола с соответствующим значением. Франц. *couper* (по происхождению страдательное причастие прошедшего времени от глагола *couper*), имеющее и во французском языке предметное значение, пришло к нам в форме существительного *купе*.

Обратимся к форме *купейный*. От большинства несклоняемых существительных на **-е** прилагательные не обра-

¹ См.: Н.Н. B i e l f e l d t, Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart, Berlin, 1958.

зуются. Нет в современном языке прилагательных от слов *ателье, безе, бланманже, кабаре, кашне, клише* (употребительная в полиграфии форма *клишированный* — причастие от глагола *клишировать*), *неглиже, папье-маше, пенсне, резюме, тире, фойе* и т. п. Но в тех немногих случаях, когда от подобных слов образуются прилагательные, они оформляются суффиксом *-йн-ый* (точнее, пожалуй, говорить о суффиксе *-н-* и интерфиксе *-й-*, появляющемся, возможно, не без влияния модели *ружье — ружейный*); в словаре под ред. Г. Г. Бильфельдта есть шесть таких образований: *пикейный, желейный, релейный, филейный, шоссейный, кофейный*. Ср. также зарегистрированные словарем В. И. Даля *канайный* (от *канане*), *карейный* (от *каре*). Во всех производящих существительных, кроме *кофе*, ударение падает на конечный гласный. Ср. иную форму, если ударение в производящем существительном падает не на конечный гласный: *факсímиле — факсимильный*.

Таким образом, из двух форм *купейный* и *купированный* вторая оказывается изолированной, вне модельной, первая же образована по модели, существующей в современном языке. Оба слова тождественны по значению, по употреблению, по стилистической окраске. Поэтому нормативным следует признать только одно из них — слово *купейный*¹.

В ряде случаев явления современного языка недостаточно изучены, поэтому трудно установить характер модели.

Так, в соответствии с винительным падежом существительного при переходных глаголах без отрицания, при подобных глаголах с отрицанием, в ряде случаев используется родительный падеж, например: *Ел конфеты — Не ел конфет*. Условия употребления родительного или винительного падежа в таких конструкциях довольно подробно описаны в литературе. Но соотношение конструкций «Именительный падеж + сказуемое (глагол, краткое

¹ Рассуждение исходит из того, что слова *купейный* и *купированный* тождественны по значению. С последним не все согласны. Некоторые считают, что слова эти в профессиональной речи различаются по значению и употреблению: *купированный вагон* (т. е. разделенный на купе) — *купейное место* (место в купе). В этом случае, естественно, придется кодифицировать обе формы, как различные по значению. Этот вопрос, однако, нельзя решить без дополнительного исследования.

прилагательное, краткое страдательное причастие)» — «*Не* + родительный падеж + сказуемое», т. е. соотношение личных утвердительных и безличных отрицательных предложений нуждается в специальном исследовании. Ср. *Был дом — Не было дома; Ответ пришел — Ответа не пришло; Слышен голос — Не слышно голоса; Документы сохранились — Документов не сохранилось; Деформации обнаружены — Деформаций не обнаружено.* (В перечисленных примерах возможны, в соответствии с утвердительными предложениями, и отрицательные предложения с именительным падежом существительного, например: *Ответ не пришел, Не слышен голос, Документы не сохранились, Деформации не обнаружены.*) Интуитивно воспринимаются как неправильные трансформации типа *Он стоял — «Его не стояло», Он ранен — «Его не ранено», Поезд прибыл — «Поезда не прибыло»* и т. д. Ср.: *Суждено счастье — Не суждено счастья*, но: *Суждено такое счастье — Не суждено такое счастье* (без замены именительного падежа родительным).

О конструкциях подобного рода со сказуемым, выраженным глаголом, А. М. Пешковский писал: «Какие именно непереходные глаголы употребляются в таких оборотах, а какие не употребляются, сказать довольно трудно. Язык в этом отношении очень капризен». «Не менее трудно определить степень **о б я з а т е л ь н о с т и** безличного построения в тех или иных случаях»¹.

В литературном языке XIX в., как пишет Н. Ю. Шведова, безличными предложениями такого рода были предложения с формами связочного глагола *быть*; формами глаголов *стать*, *случиться* (в значении «быть», «находиться»), *оказаться*; с формами глагола *бывать*, употребленного не в значении нерегулярной повторяемости, например: *Такой беды над нами никогда не бывало* (А. Б о л о т о в)².

Как видно, трансформируются в безличные, в зависимости от отрицания при сказуемом, предложения, в которых сказуемое выражено глаголом со значением

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 5, Учпедгиз, М., 1935, стр. 325.

² См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения», под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой, изд. «Наука», М., 1964, стр. 305.

бытия, наличия, существования. Отмечают, что безличная конструкция имеет обобщающий характер, а личная указывает на известный конкретный случай: *Птиц больше не появлялось* — *Птицы больше не появлялись*. «Во втором случае речь идет о том, что какие-то известные птицы, которые однажды появлялись, снова не прилетали; в первом же случае речь идет о любых птицах, о птицах вообще, независимо от того, были они раньше или нет»¹.

На употребление безличной конструкции влияет наличие в предложении усилительной частицы *ни*: «...Если к р о м е отрицания *не* есть еще к а к о й - л и б о о т р и ц а т е л ь н ы й ч л е н в предложении (*ни, никакой, ни один*), безличность тоже можно считать п о ч т и обязательной. Нельзя (или почти нельзя) сказать «у меня не был в кармане ни один грош»; «не были никакие деньги»; «не будут на свете ни слезы, ни вражда»... и т. д.»². А. М. Пешковский считает, что это относится только к конструкциям с формами глагола *быть*; Н. Ю. Шведова отмечает, что это касается предложений с различными глагольными сказуемыми³.

Возможно, играет роль соотношение лица — не лица; ср.: *Нарушений инструкции не обнаружено*, но *Преступник не обнаружен*. На возможность трансформации влияет, по-видимому, наличие или отсутствие определяющих слов при сказуемом и при подлежащем, ср.: *Оказана помощь* — *Не оказано помощи*, но *Своевременно оказана помощь* — *Своевременно не оказана помощь*, ср. и приведенные выше примеры: *Не суждено счастья*, но: *Не суждено такое счастье*.

Однако условия употребления той или иной модели в настоящее время не определены, а без этого, т. е. без

¹ А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, изд. 2, Учпедгиз, М., 1955, стр. 305.

А. М. Пешковский говорил, что на выбор личной или безличной конструкции влияет определенность или неопределенность подлежащего: «Одинаково можно сказать *Иванов не был* и *Иванова не было*, но сказать *хлеб не был* можно только про определенный хлеб, о котором раньше говорилось, про хлеб же вообще можно сказать только *хлеба не было*» (Цит. соч., стр. 326).

² А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 5, Учпедгиз, М., 1935, стр. 326.

³ См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения», под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой, изд. «Наука», М., 1964, стр. 305.

определения условий функционирования в языке личной и безличной конструкции, норма определяется только интуитивно.

В дополнительных исследованиях нуждается изучение условий употребления деепричастного оборота в безличном предложении. Некоторые особенности употребления деепричастий находят себе объяснение в фактах истории языка: представляя собой по происхождению и м е н и т е л ь н ы й п а д е ж краткого действительного причастия, деепричастия и в настоящее время относятся к именительному падежу, обозначают добавочное действие подлежащего. Предложения, в которых деепричастие обозначает добавочное действие лица, названного косвенным падежом существительного (или личного местоимения), остаются за пределами литературного употребления, например: *Придя на пришкольный участок, нас удивило его хорошее состояние; Не имея возможности лично ответить на все письма и телеграммы, позвольте мне через вашу газету выразить благодарность всем товарищам за поздравления и добрые пожелания* (Из газет).

Такого рода построения — так называемые независимые деепричастные обороты — могут употребляться в литературном языке только после объектного инфинитива (т. е. зависимого инфинитива, субъект действия при котором назван косвенным падежом существительного или местоимения), например: *Врач разрешил больному отдыхать сидя в кресле* (пример К. И. Былинского). Объясняется возможность их употребления в подобных построениях тем, что «сочетание объектного инфинитива с дательным падежом представляет некоторую аналогию отдельному предложению»¹ и, добавим, может быть трансформировано в двусоставное предложение: *разрешил больному отдыхать* → *разрешил, чтобы больной отдыхал*.

Некоторую аналогию деепричастным оборотам при объектном инфинитиве представляют собой случаи, когда деепричастный оборот возможен в составе безличного предложения. Этот вопрос специально не исследован, и пока трудно говорить о том, какова здесь норма. Можно, однако, сделать некоторые предварительные наблюдения. Такие

¹ К. А. Тимофеев, Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», Учпедгиз, М., 1950, стр. 261.

обороты не могут примыкать к кратким прилагательным или кратким страдательным причастиям. Неправильными являются поэтому следующие предложения: *Изучая организацию состязаний, важно, чтобы участники усвоили правила проведения соревнований* (Из газет); *Даже не прибегая к статистике... видно, что таких вечеров сейчас несравненно больше...* («Москва», 1962, № 12) и т. п.

Отмечают, что в таких предложениях возможен деепричастный оборот при инфинитиве¹, например: *Автор убедительно показывает, что, пользуясь удалением зуба, можно изменить реактивность организма* («Стоматология», 1961, № 11); *Наблюдая за сегодняшним матчем, трудно было отличить лидера чемпионата от аутсайдера* (Из газет). Возможность употребления деепричастных оборотов в этих конструкциях объясняется тем, что субъект действия, названного инфинитивом, и действия, названного подлежащим, один и тот же: трудно было отличить лидера от аутсайдера тому, кто наблюдал за матчем.

Но в ряде случаев единства субъекта при инфинитиве и деепричастии недостаточно. Это показывают следующие предложения, интуитивно воспринимаемые как неправильные: *Перебравшись через топь, пришлось некоторое время искать продолжения дороги* (В. С о л о у х и н, Лирические повести, М., 1959, стр. 43); *Работая в Народном комиссариате по военным делам, мне часто приходилось встречаться с Владимиром Ильичем* (Из газет). Для того чтобы установить современную модель таких конструкций и условия, при которых эта модель реализуется, необходимы дополнительные исследования.

При установлении соответствия модели в сфере словообразования необходимо учитывать многозначность словообразовательных суффиксов. Эта многозначность может привести к тому, что то или иное образование, соответствующее модели, оказывается невозможным, потому что место в структуре уже занято омонимичным образованием. Так, с помощью суффикса *-ниц-а* образуются названия лиц женского пола, соотносительные с названиями лиц мужского пола на *-ник*, например: *башмачник — башмачница, дачник — дачница, колхозник — колхозница*. Но

¹ См.: К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь, Литературное редактирование, изд. 2, изд. «Искусство», М., 1961, стр. 334.

подобное образование невозможно, например, от слова *мельник* (ср. *мельничиха*), так как место его в системе занято словом *мельница*, с другим значением. Правда, в некоторых случаях в языке закрепляются омонимичные образования, например *телятник* — «помещение для телят» (ср. *птичник*, *свинарник* и т. д.) и *телятник* — «работник, ухаживающий за телятами» (ср. *телятник* — *телятница*, как *скотник* — *скотница* и т. д. — но это соотношение не охватывает все возможные случаи, ср. *птичник* — «помещение для птиц», при *птичница* — «работница, ухаживающая за птицей»).

Система — одна из основ нормы, в норме реализуются возможности (и притом не все, а часть возможностей) системы. Поэтому нельзя безоговорочно принять утверждение Р. А. Будагова: «Норма шире системы. Первая допускает такие явления, которые не укладываются во вторую, но могут широко бытовать в языке»¹. «В более широкое понятие нормы обычно включается все то, что выходит за пределы системы»². Соотношение системы и нормы не может быть представлено в виде соотношения двух концентрических кругов (более широкий круг — норма, меньший круг — система). Отношения между ними гораздо сложнее. С одной стороны, в норме, как было показано, осуществляется лишь часть возможностей, предоставляемых системой. С другой стороны, в норме действительно могут быть образования, противоречащие системе. Но, строго говоря, эти образования чаще всего вступают в противоречие не со всей системой, а с теми или иными моделями системы, т. е. в языке происходит процесс перераспределения образований между моделями.

Например, в русском языке на базе заимствованных из французского языка существительных на *-eur* выделился суффикс *-ёр*: *гравер*, *суфлер* и под.; ср. русские образования с этим суффиксом: *гарпунер*, *киоскер*, *монтажер*. Но под влияние этой модели попадают и слова на *-ер*, не связанные с французским *-eur*, например *комбайнер* (ср. частое в просторечии *комбайнёр*), *вахтер* (из средне-нижненемецкого *Wachter* ³). Интересно изменение ударе-

¹ Р. А. Б у д а г о в, Проблемы развития языка, изд. «Наука», М., 1965, стр. 4 (примечание).

² Там же, стр. 35.

³ См.: М. Ф а с м е р, Этимологический словарь русского языка, т. I, изд. «Прогресс», М., 1964, стр. 280.

ния в последнем слове. В словаре под ред. Д. Н. Ушакова указано только ударение *ва́хтер*¹, такое же ударение отмечает большой академический словарь². Но словари и справочники последних лет указывают на два возможных ударения: *ва́хтер* (со значением «до революции: старший сторож») и *вахтёр* (для современного значения: «дежурный сторож в учреждении»)³. Так как в первом значении слово почти не употребляется, можно сказать, что под влиянием модели форма *ва́хтер* вытеснена новой формой *вахтёр*⁴.

Можно привести и другие примеры противоречащих модели образований, возникающих на основе ложно понятой аналогии. Так, в отчествах суффикс **-ович (-евич)** в произношении редуцируется в **-ыч (-ич)**: *Иванович* — *Иваныч*, *Андреевич* — *Андреич*. Это соотношение: «Говорится **-ыч (-ич)** — пишется **-ович (-евич)**» неправомерно распространяется и на отчества, образованные от сокращающейся в языке группы мужских имен на **-а** (*Никита*, *Савва*, *Фомá*, *Лука*), от которых в литературном языке образуются формы с помощью суффикса **-ич (-ыч)** (*Никитич*, *Саввич*, *Фомич*, *Лукич*, *Калиныч*). В формах с неударным суффиксом, образованных от таких имен, в письменной речи появляется суффикс **-ович**: «Никитович, Саввович», а иногда «для образованности» такая форма звучит и в устной речи⁵. Иначе говоря, отчества от некоторых имен на **-а** начинают образовываться по модели отчеств от имен на согласный.

Иногда традиция закрепляет употребление в литературном языке формы, противоречащей модели. Так, все неодушевленные существительные на **-о**, **-е** относятся в литературном языке к среднему роду (*село*, *серсо*, *поле*,

¹ См.: «Толковый словарь русского языка», под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, М., 1935, стр. 228.

² См.: «Словарь современного русского литературного языка», т. 2, изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стлб. 65.

³ См., например: «Русское литературное произношение и ударение». Словарь-справочник, под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, М., 1960, стр. 63; С. И. О ж е г о в, Словарь русского языка, изд. 6, М., 1964, стр. 66.

⁴ Ср.: «вахтёр (устар. ва́хтер)» (Л. П. Крысин, Л. И. Скворцов, Правильность русской речи. Словарь-справочник, изд. 2, изд. «Наука», М., 1965, стр. 214); см. также: В. С. Гимпелевич, Существительные на **-ер (-ёр)** в русском языке, «Вопросы культуры речи», вып. 6, М., 1965.

⁵ См.: В. А. Ицкович, *Никитич* или *Никитович*. «Вопросы культуры речи», вып. 3, изд. АН СССР, М., 1961, стр. 229.

кашине и т. п.). Слово *кофе*, в отступление от модели, употребляется в литературном языке в мужском роде. Однако и здесь ощущается влияние модели: сейчас все больше распространяется употребление этого слова в среднем роде.

В некоторых случаях по русской модели переоформляется заимствованное слово. Нормативность такого образования определяется его употребительностью. Так, за пределами нормы будут формы «оклиматизироваться», незаконмерно образованные по типу *обуржуазиться*, *освоиться*, вместо литературного *акклиматизироваться*. Ср.: *А ведь вы, доктор, кажется, уже **оклиматизировались** на Утренней звезде?* (В. Г у б а р е в, Путешествие на Утреннюю звезду, М., 1961). Обратное явление наблюдается в следующем примере, где, по-видимому для большей «солидности», переделан на иноязычный лад русский глагол *опробовать*: *При покупке фотоаппарата необходимо тщательно его проверить и **опробировать** работу основных механизмов* (В. А. С м о р о д и н, П. М. К р и м е р м а н, Покупателю о фото- и киноаппаратах, М., 1960, стр. 55). Отмеченный глагол построен, очевидно, по образцу близкого по звучанию, но имеющего иное значение глагола *апробировать*. Возможно, правда, и иное объяснение этой формы: может быть, она представляет собой переоформление по типу *освоить* неправильно понятого глагола *апробировать*.

В другом случае слово с «обрусевшей» приставкой вошло в литературный язык: это слово *перефразировать*, образованное по модели *переработать*, *переделать*, вместо *перифразировать* (ср. *перифраз*, франц. *periphrase*).

Известный польский лингвист, много занимавшийся проблемами правильности речи, В. Дорошевский, говоря о соответствии языкового явления модели (он называл это «формально-логическим критерием языковой правильности»), писал, что «следует ценить этот критерий, следует пользоваться им, но, во-первых, сохраняя историческую перспективу (*postawę prospektywną*), то есть не впадая в донкихотство борьбы с фактами, уже осуществленными (реализованными) в истории языка, во-вторых, считаясь с тем, что наряду с логическим фактором в жизни языка действуют и другие, нередко более сильные»¹.

¹ W. D o r o s z e w s k i, Kryteria poprawności językowej, Warszawa, 1950, стр. 22.

Критерии
нормы: 2. Употребительность.
3. Необходимость

Таким образом, одного соответствия модели недостаточно, для того чтобы можно было говорить о нормативности того или иного явления. Необходимо учитывать также употребительность данного образования, его существование в речи.

«Норма определяется степенью употребления при условии авторитетности источников. То, что является вообще общеупотребительным, то и составляет норму языка»¹. Эта сторона выдвигается на первый план в понимании нормы как «такого образования и употребления форм и категорий, которое с абсолютной последовательностью воспроизводится в коллективной практике носителей литературного языка — в определенных условиях ограничения (функционально-стилевых) или вне всяких ограничений»².

Еще более категорически подчеркивает значение употребительности известный польский лингвист З. Клеменсевич: «...фактом нормативным для языка является современное употребление (*usus modernus*), социально ограниченное кругом пользующихся культурным диалектом, обработанным языком (*tworzą wykształconą*)»³.

Очень яркий пример соотношения двух факторов — соответствия модели и употребительности — представляет собой соотношение двух парадигм глагола *печь*: *пеку, печёшь, печёт* и т. д. и *пеку, пекёшь, пекёт* и т. д.⁴. Современной продуктивной модели соответствует вторая из этих двух парадигм: *пекёшь, пекёт* и т. д., с отсутствием исторического чередования согласного в основе (ср. *несу — несёшь, плету — плетёшь* и т. п.). Следовательно, именно они соответствуют системе современного языка. Формы с **к'** (**к**) в основе (*пекёшь, пекёшь, пекóшь*) широко распространены в русских говорах⁵. Но в литературном

¹ Е. С. Истрина, Нормы русского литературного языка и культура речи, изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 19.

² «Принципы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». Тезисы докладов на заседании Ученого совета Института русского языка АН СССР, изд. «Наука», М., 1965, стр. 8.

³ Z. K l e m e n s i e w i c z, W kręgu języka literackiego i artystycznego, Warszawa, 1961, стр. 20.

⁴ См.: А. М. Иванов и Л. П. Якубинский, Очерки по языку, Гослитиздат, Л.—М., 1932, стр. 47—50, 153—154.

⁵ См. составленную Г. А. Касвин карту распространения этих форм в кн.: Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, ч. I, Учпедгиз, М., 1949.

русском языке встречаются только формы *пеку* — *печёшь*, с чередованием *к—ч*. Следовательно, только эти формы и могут быть признаны нормой современного литературного языка.

Употребительность явления, его распространенность в языке — наиболее обычный и часто встречающийся критерий нормативности. «Так говорят» и «Так не говорят» — вот чаще всего встречающиеся доводы в пользу употребления или запрещения слова, формы, оборота.

Однако такого рода доводы могут оказаться (а нередко и оказываются) субъективными. Даже если отбросить нередкие невольные (а иногда, может быть, и сознательные) искажения в оценке употребительности того или иного слова или формы, языковой опыт каждого отдельного говорящего может быть недостаточным для определения степени употребительности данного варианта. «Основной источник лучшей современной речи — нынешнее ее употребление», — писал В. И. Чернышев. Но вслед за этим он справедливо отмечал, что «следовать современному общему употреблению в языке совсем не так легко, как это может показаться сначала», так как «во многих случаях очень трудно решить вопрос: является ли данное словопотребление общим, т. е. все ли образованные люди так говорят, все ли признают это употребление?»¹. Говорящий легко обнаружит отступления от модели, образования, отсутствующие в системе данного языка, вроде неправильного согласования, например «хороший девочка», или неправильной падежной формы, вроде «детям рассказали за историю этого дома». Но в том случае, когда в системе есть возможность параллельных образований (а именно в этих случаях особенно важен критерий употребительности), определение степени распространенности явления бывает нелегким.

Одна из причин этого — относительная редкость отдельных явлений языка. Например, очень невелика распространенность в языке отдельных лексем. Так, общий объем текстов Пушкина (без черновых вариантов) — свыше полумиллиона словопотреблений (544 777 слов), которые представляют 21 197 словарных единиц. Из этого количества 163 слова встречаются 271 512 раз, т. е. составляют

¹ В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, изд. 3, Пг., 1915, стр. 13.

почти половину всего количества слов пушкинского словаря. В то же время 6388 слов, т. е. 30% словаря, употреблены Пушкиным всего по одному разу, 2913 слов — по два раза. Слова, употребленные по одному и по два раза, составляют почти половину всех слов — 48%¹. По одному разу встретились в текстах Пушкина такие, например, слова, как *багаж*, *баклуши*, *баловник*, *баловство*, *барбанищик*, *баранина*, *барьер*, *бедно*, *бездетный*, *безнаказанно*, *безоблачно*, *безобразно*, *безошибочный*, *безразличный*². Аналогичные данные можно почерпнуть и из частотного словаря современного русского языка (составленного на материале текстов письменной речи)³. Так, слово *равный*, по данным этого словаря, встречается 14 раз на 400 000 словоупотреблений, т. е. частота его составляет 0,000035. Такова же частота слов *надевать*, *рассуждать*, *сложить* — а это все слова, входящие в список 2500 наиболее частых русских слов (хотя и занимающие в этом списке последние места).

Следовательно, непосредственные наблюдения в ряде случаев не позволяют ответить на вопрос, употребляется ли в языке данное слово, данная форма или конструкция. Эти данные можно получить только на основе специальных обследований. Однако такого рода обследования очень трудоемки, и на практике исследователь при установлении степени употребительности явления опирается обычно на собственный языковой опыт, на анализ текстов (зачастую случайных, оказавшихся под рукой), на данные словарей.

Большую пользу могло бы принести применение статистико-вероятностных методов.

Так, до сих пор в пособиях называют сосуществующими два варианта произношения прилагательных на *-кий*: *московс* [к'ѣй] и *московс* [кѣй]. Н. Д. Андреев проверил употребление этих форм в речи 2280 человек. Результаты эксперимента весьма показательны: формы типа *московс* [кѣй] с твердым *ж* употребили только три человека (причем все три — лица старшего поколения), т. е. примерно

¹ См.: Р. М. Фрумкина, Статистические методы изучения лексики, изд. «Наука», М., 1964, стр. 48—50.

² См.: «Словарь языка Пушкина», т. I, ГИС, М., 1956.

³ См.: Э. А. Штейнфельдт, Частотный словарь современного русского литературного языка, Таллин, 1963.

0,13%¹. «Любопытно отметить, что из шестерых отъявленных сторонников произношения **-скъй**, незаметно для себя попавших в число испытуемых, пятеро в обстановке естественного диалога употребили произношение **-ск'ий**»². Этот эксперимент достаточно убедительно свидетельствует о том, что форму на **-[скъй]**, по крайней мере в прилагательных от имен собственных, в современном русском языке можно уже считать устаревшей.

Сама по себе распространенность в речи еще не является показателем нормативности явления. Бывают случаи, когда по разным причинам в речи распространяются образования, не соответствующие продуктивным моделям. Такие образования обычно остаются за пределами нормы.

Так, в 20-е годы в печати распространился глагол *использовывать*, который употреблялся для обозначения многократного действия. В результате выступлений лингвистов глагол этот в настоящее время не употребляется.

Глагол *использовать*, послуживший основой для новообразования *использовывать*, — двувидовой, т. е. он может употребляться как в значении совершенного, так и в значении несовершенного вида, ср.: *Он использует всю литературу, которую вы назовете* (будущее время, совершенный вид) и: *Теперь для приготовления мыла используют не только пищевой жир, но и синтетические вещества* (настоящее время, несовершенный вид).

В языке есть два типа глаголов (совершенного вида и двувидовых) на **-овать**. Это, во-первых, глаголы с ударением на конечном слоге слова, например: *арестова́ть, асигнова́ть, атакова́ть, конфискова́ть, мобилизова́ть, образова́ть, организова́ть* (двувидовые); *избалова́ть, измалева́ть, изрисова́ть, исполосова́ть, истолкова́ть* (соверш. вида); во-вторых, — это глаголы с ударением перед суффиксом **-ова-**, например: *абонирова́ть, абстрагирова́ть, ампутирова́ть, анализирова́ть, изолирова́ть, исследова́ть* (двувидовые); *изуродова́ть, израсходова́ть, испробова́ть, истребова́ть* (соверш. вида). Образования со значением многократности, так называемые вторичные имперфек-

¹ См.: Н. Д. Андреев, Об одном эксперименте в области русской орфоэпии. «Вопросы культуры речи», вып. 4, М., 1963, стр. 51; ср.: А. В. Суперанская, О произношении современной студенческой молодежи. «Вопросы культуры речи», вып. 2, М., 1959, стр. 159.

² Там же, стр. 52.

тивы, соотносительны только с глаголами первой группы, например: *арестовать* — *арестовывать*, *избаловать* — *избаловывать* и т. д. Но подобные формы не могут образовать глаголы второй группы. В русском языке нет глаголов типа «абстрагировывать», «изуродовывать» и т. п. Таким образом, форма *использовывать* противоречит существующим в языке моделям, что и способствовало тому, что она вышла из употребления в литературном языке¹.

Другой пример — образование однократных глаголов с суффиксом **-нуть**. В современном русском литературном языке существует живое соотношение глаголов несовершенного вида на **-ать (ся)** (как продуктивного, так и непродуктивного типа) и глаголов совершенного вида на **-нуть (ся)**, например: *влиять* — *влинуть*, *зевать* — *зевнуть*, *качать (ся)* — *качнуть (ся)*, *лизать* — *лизнуть*, *махать* — *махнуть*, *метать* — *метнуть*, *мигать* — *мигнуть*, *огрызаться* — *огрызнуться*, *толкать* — *толкнуть*, *ужасать (ся)* — *ужаснуть (ся)*, *улыбаться* — *улыбнуться*, *усмехаться* — *усмехнуться*, *швырять* — *швырнуть* и т. д. Можно встретить в литературе окказиональные образования этого типа, например: «*Постреляли*» — не русское слово, оно не по-русски **спрягнулося** и **скомпоновалося** (Н. В. Гоголь, Письмо М. И. Максимовичу); *Я никогда не думал, чтобы Лист... мог серьезно понять и оценить «Детскую», а главное, восторгнуться ею...* (М. П. Мусоргский)². Эти образования соответствуют продуктивной модели. Не противоречат первому критерию нормы и образования «колебнуться», «ошибнуться».

Соответствуют ли названные глаголы второму критерию нормы? Какова их распространенность в речи? В словарях зарегистрирован глагол *колебнуться*³. В нейтральной устной речи эта форма не встречается. Единичных примеров, зафиксированных в словарях, недостаточно,

¹ См.: С. П. Обнорский, Глагол *использовать* — *использовывать* в современном русском языке. «Избранные работы по русскому языку», Учпедгиз, М., 1960, стр. 206—212; И. П. Мучник, Двувидовые глаголы в русском языке. «Вопросы культуры речи», вып. 3, М., 1961.

² Пример взят из статьи: А. А. Реформатский, Речь и музыка в пении. «Вопросы культуры речи», вып. 1, изд. «Наука», М., 1955, стр. 185 (примечание).

³ См., например, «Толковый словарь русского языка», под ред. Д. Н. Ушакова, т. I; «Словарь современного русского литературного языка», т. 5, изд. АН СССР, М.—Л., 1956.

чтобы считать образование *колебнуться* литературной нормой. Вывод о нормативности или ненормативности этой формы можно сделать только на основе проверки большого материала, причем необходимо учесть случаи, когда глагол этот мог бы быть употреблен, и рассмотреть его замены в этих случаях. Форма «ошибнуться» ни разу не встретилась ни в печатных текстах, ни в устной речи, отсутствует в словарях и, несмотря на свою теоретическую допустимость, находится за пределами литературной нормы. Отметим существенное различие между словами «ошибнуться» и *колебнуться*. Для первого в литературном языке есть абсолютный синоним *ошибиться*; следовательно, это слово оказывается лишним, и поэтому возможность его закрепления в литературном языке практически равна нулю. Второе слово не имеет себе соответствий в литературном языке и поэтому при благоприятных условиях (если в языке возникнет необходимость в слове, обозначающем однократные колебания) может войти в состав литературного языка.

На фоне рассмотренной модели *влиять* — *витьнуть* в просторечии возникают образования несовершенного вида от глаголов на *-нуть*, например *застегнуть* — «застегать», *стряхнуть* — «стряхать». Но формы «стряхать», «застегать» вряд ли могут войти в литературный язык, по причинам, указанным для формы «ошибнуться», в их значении нет ничего, чего не было бы в соответствующих глаголах литературного языка *стряхивать*, *застегивать*.

С точки зрения соответствия языковым моделям варианты (*пять*) *грамм* — (*пять*) *граммов* и (*пять*) *гектар* — (*пять*) *гектаров* равноправны. Но они существенно различаются по употреблению (ср.: *пять вольт*, *ампер* и *пять столов*, *домов*). Форма *грамм* распространена в устной и письменной форме литературного языка (хотя — здесь очевидно сдерживающее влияние редакторов и корректоров — она в письменной речи встречается реже, чем форма *граммов*)¹, форма «гектар» не встречается (за еди-

¹ См. основанные на большом фактическом материале работы Л. К. Граудиной, посвященные распространению нулевого окончания в формах родительного падежа множественного числа: Л. К. Граудина, О нулевой форме родительного множественного у существительных мужского рода («Развитие грамматики и лексики современного русского языка», изд. «Наука», М., 1964); Л. К. Граудина, Развитие нулевой формы родительного множественного у существительных — единиц измерения (Т а м ж е).

ничными исключениями) в письменной форме литературного языка. Значит, она находится за пределами литературной нормы. Точно так же нельзя считать нормой формы именительного падежа множественного числа «договорá», «шоферá», образованные в соответствии с законами языка (в отличие от противоречащих условиям образования именительного падежа множественного числа на **-а** форм типа «инженерá», «офицерá») от нелитературных «дóговор», «шóфер».

Ненормативность форм существительных мужского рода типа «инженерá», «офицерá» определяется тем, что такое образование противоречит законам современного литературного языка, в котором формы именительного падежа множественного числа на **-а** не могут быть образованы от слов с ударением на последнем слоге в именительном падеже единственного числа (*инженёр, офицёр*). Формы «договорá», «шоферá» закономерно образованы от слов «дóговор», «шóфер», но они ненормативны потому, что нелитературны исходные формы (от литературных *договор, шофёр* в соответствии с моделью образуются формы *договоры, шофёры*).

От переходных глаголов несовершенного вида могут быть образованы страдательные причастия настоящего и прошедшего времени. Следовательно, причастия от глаголов *двигать* — «двигаемый», «двиганный», *толкать* — «толканный», *строить* — «строимый», «строенный», *веселить* — «веселимый», «веселенный», *чувствовать* — «чувствованный», *радовать* — «радованный», *бросать* — «брошенный» и т. д., образованные по продуктивным моделям, соответствуют первому критерию нормативности. Но они не отвечают второму критерию, не употребляются в языке и, значит, ненормативны (некоторые причастия — в том числе и адъективированные — от названных основ употребляются в приставочных образованиях, например: *выдвигаемый, построенный, развеселенный, прочувствованный, обрадованный, разбросанный* и т. д.).

В языке могут сосуществовать разные модели для одних и тех же категорий. Так, глаголы на **-ать** могут спрягаться по двум парадигмам: 1) продуктивный тип **-ать** — **-аешь**, **-ают**, с сохранением **-а-** в формах настоящего времени, например *бросать, бросаешь, бросают*, и 2) непродуктивный тип **-ать** — **-ешь, -ут**, без **-а-** в формах настоящего времени, например *писать — пишешь, пишут*. Глаголы

непродуктивной группы постепенно переходят в продуктивный класс, начинают изменяться по живой модели. Полностью утрачены старые формы в глаголах *страдать* — *страдают* (в XIX в. наряду с этим употреблялась и форма *страждут*), *икать* — *икают*, *черпать* — *черпают* и др. Но некоторые глаголы непродуктивной группы, у которых процесс перехода в продуктивный класс не завершен, имеют двойные формы настоящего времени: *колыхать* — *колышут* и *колыхают*, *мурлыкать* — *мурлычат* и *мурлыкают* и т. д. Продуктивные образования форм глаголов непродуктивной группы не противоречат первому критерию нормы; с этой точки зрения закономерны формы «вязают», «искают», «скакают» и под., и такие формы реально существуют в речи детей «от двух до пяти», т. е. в том возрасте, когда ребенок усваивает прежде всего продуктивные модели. А. Н. Гвоздев отмечает в речи ребенка в возрасте до четырех лет формы «плакают», «писаю» (т. е. *пишу*), «соса́ют» (т. е. *сосут*), «искаю» (т. е. *ищу*), «пря́таю» (т. е. *прячу*) и т. д.¹, К. И. Чуковский приводит формы «спря́таю», «отыскаю», «запла́каю»². Но подобные формы отсутствуют в живом литературном употреблении, т. е. эти образования не отвечают второму критерию нормы.

Смена норм. Язык непрерывно изменяется. Здесь важно подчеркнуть не только сам факт изменений, но и непрерывность этих изменений. «...В нормативной грамматике,— писал Л. В. Щерба,— язык зачастую обычно представляется в окаменелом виде. Это отвечает наивному обывательскому представлению: язык изменялся до нас и будет изменяться в дальнейшем, но сейчас он неизменен»³.

Действительно, изменения языка на протяжении веков очевидны — достаточно сравнить текст, написанный полтора века — двести лет назад, с современным, чтобы увидеть изменения (пусть небольшие), происшедшие в языке за это время. Менее заметны постоянные, непрерывные языковые изменения, которые происходят за небольшие промежутки времени. И это естественно, так как эти изме-

¹ См.: А. Н. Гвоздев, Формирование у ребенка грамматического строя русского языка. Вопросы изучения детской речи, изд. АПН РСФСР, М., 1961, стр. 200, 218, 250, 423 и др.

² См.: К. И. Чуковский, От двух до пяти, изд. 12, Киев, 1958, стр. 49.

³ Л. В. Щерба, Очередные проблемы языковедения. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I, изд. ЛГУ, 1958, стр. 15.

нения касаются прежде всего словаря и соединений слов. Так, в современной речи очень редки слова *партиец, большевик*, вытесненные после переименования ВКП(б) в КПСС словом *коммунист*. В последние десятилетия слово *аэроплан* было вытеснено из нейтрального употребления словом *самолет* и сохранилось только как историзм, для обозначения летательных аппаратов, применявшихся в 10—20-е годы нашего века.

Стремительно пополняется словарь новыми словами. Вошли в общее употребление *космонавт, синтетика, лавсан, пластик*, десятки и сотни слов, связанных с новыми предметами и явлениями. Как писал А. И. Смирницкий, «язык определенной эпохи — это язык существующий и развивающийся во времени, т. е. заключающий в себе момент диахронии: сделать «поперечный разрез языка», не имеющий протяженности во времени, в принципе невозможно... Поэтому также и синхроническое изучение единиц языка (в частности, лексических единиц) должно неизбежно проводиться во времени. При этом одни явления должны выделяться как развивающиеся, продуктивные, другие — как отмирающие или окаменевающие, третьи — как относительно стабильные...»¹.

Изменение языка означает замену одной нормы другой. Такая замена — не однократный акт, а длительный процесс. Иногда пособия кодифицируют старую норму, тогда как в языке уже закрепилось новое употребление.

В нейтральной литературной речи употребление новых форм сдерживается правилами, которые ориентируются обычно (да иначе и быть не может!) на то, что уже зафиксировано в языке. Новое пробивает себе путь в литературный язык вопреки существующим правилам. Противоречие между унаследованным от прошлого и появившимся в настоящем — противоречие, свойственное любому литературному языку². Литературный язык стремится закрепить существующие нормы как обязательные, но в языковой практике возникает «пресекаемая» правилами грамматики тенденция к иному употреблению. И если эта тенденция соответствует живым закономерностям языкового развития, она в конечном счете победит. Мы можем

¹ А. И. Смирницкий, Лексикология английского языка, Изд. лит. на иностр. яз., М., 1956, стр. 9.

² См.: J. Marouzeau. Aspects du français. Paris, 1950, стр. 42.

зафиксировать дату, когда кодифицируется новая норма — в грамматиках, словарях. Но сам процесс вытеснения старой нормы новой — процесс длительный, многоступенчатый. Новое появляется обычно за пределами литературного употребления — в просторечии, в профессиональной речи, в разговорно-бытовой речи и т. д. — и лишь постепенно может закрепиться в литературном языке.

Схематически процесс вытеснения одного явления A^1 другим — A^2 можно показать следующим образом.

Первый этап — явление A^1 — норма, явление A^2 встречается только за пределами литературного употребления (в аффективной разговорной речи, в просторечии, в профессиональной речи и т. п.).

Второй этап — явление A^1 — норма, но явление A^2 начинает распространяться и в литературном языке — первоначально в устной форме языка.

Третий этап — явление A^2 употребляется в устной и в письменной форме литературного языка, наряду с явлением A^1 , т. е. устанавливается равновесие в употреблении, оба явления сосуществуют на равных правах.

Четвертый этап — явление A^2 закрепилось в нейтральной письменной и устной речи, явление A^1 в нейтральной устной речи уже не употребляется, сохраняясь только в письменной речи.

Пятый этап — явление A^2 — единственная форма литературного языка, явление A^1 — за пределами литературной нормы.

Не всегда вытеснение одного явления другим происходит именно таким путем — схема показывает наиболее обычный процесс смены норм. Возможны и иные пути: например, два явления могут сосуществовать, если возникает их смысловая или стилевая дифференциация.

В процессе такой смены норм существует период сосуществования норм, период, когда в одной и той же форме языка на равных правах употребляется как одно, старое, так и другое, новое, слово, форма, конструкция.

Примером вытеснения старой нормы и становления новой нормы может служить употребление предлога *по* с местоимениями и числительными. В XIX в. нормой было употребление при предлоге *по* предложного падежа местоимений 3-го лица в соответствии с дательным падежом, в котором в подобных конструкциях ставилось имя существительное, например у Пушкина: *Турки приняли его за*

наездника и дали **по нем** залп («Путешествие в Арзрум»); **По них** выстрелили из пушки («История Пугачева»); Литовский меч в недобрый час **по нем** со звоном ударялся («Послание Дельвигу»); **И градом пот по нем** катился («Братья-разбойники»); **Куда по нем** свой быстрый бег стремится Онегин («Евгений Онегин»). Такая же форма обычна в XIX— начале XX в. и у других писателей: *Лжец ни один у нас по нем пройти не смеет* (Крылов, Лжец); *Наткнувшись на след, Пегас стремительно пускался по нем* (Тургенев, Литературные и житейские воспоминания); *Я только что проехал по нем* (Короленко, Записные книжки); *Все равно, аравийские или европейские степи: только я ни за что не поеду по них* («Библиотека для чтения», 1834); *По нем* едва шевелились волны (Гончаров, Фрегат «Паллада»)¹. Наряду с формой *по нем* уже в середине прошлого века употреблялась и форма *по нему*. Доказательством этого служит, например, предостережение Ф. И. Буслаева, который, говоря, что предлог *по* «требуется винительного, дательного и предложного», указывает: «Последние-два (т. е. дательный и предложный падеж.— В. И.) смешиваются при этом предлоге; именно в местоимениях: *по ком, по нем, по нас, по вас* вм. *по кому, по чему, по нам, по вам*»². См. и примеры, приводимые В. И. Чернышевым: *Их часовые увидали,— И ружья грянули по ним* (М. Ю. Лермонтов, Измаил-бей); *Проезд по ним* неслышно тих (Н. А. Некрасов, Тишина)³.

Довольно долго сохранялась в таких конструкциях форма предложного падежа у местоимения 3-го лица единственного числа *по нем*. Местоимение 3-го лица множественного числа уже у Крылова встречается в форме *по ним*: *...Ног не замоча, по ним бродили мухи*.

Существительные в подобных конструкциях стоят в дательном падеже. По-видимому, под влиянием существительных стали употребляться в дательном падеже и местоимения *они, он*.

¹ Последние два примера взяты из «Очерков по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе словосочетаний», изд. «Наука», М., 1964, стр. 78.

² Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, ч. II, М., 1863, стр. 276.

³ В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, изд. 3, Пг., 1915, стр. 224.

Но в печати в конце XIX — первой трети XX века неоднократно встречались возражения против такого употребления. Я. К. Грот в указателе к «Спорным вопросам русского правописания» писал о предлоге *по*: «Употребление его с дат. личного местоимения 3-го л. м. р. «по нему» противно духу языка: надо говорить: *по нем*»¹. Этот запрет буквально повторил В. Долопчев в своем словаре неправильностей. Он рекомендует говорить: *По его лицу видно, что он болен* — *по: По нем видно, что он болен; Проживал по чужому паспорту* — *но: Взял чужой паспорт и проживал по нем*². В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова статья о предлоге *по* начинается с указания, что в соответствии с дательным падежом существительного надо употреблять «в тех же значениях» предложный падеж местоимения: *по нем*³.

Такое употребление местоимений в современном языке вытесняется новым: по аналогии с падежом существительных в подобных конструкциях, местоимения, кроме форм 1-го и 2-го лица множественного числа, чаще стоят при предлоге *по* в дательном, а не в предложном падеже: *По нему пролегли лишь небольшие вилочие и неторные проселки* (М. Б у б е н н о в, Белая береза); *До эшелона он не дошел — по нему открыли огонь* (В. К а в е р и н, Два капитана); *Если бы Мешков пустил сейчас по нему дубинкой, ее было бы трудно потом отыскать* (К. Ф е д и н, Первые радости). Правда, наряду с названными конструкциями можно встретить в литературном языке и построения типа *по нем*. Следовательно, старое употребление вытесняется, но еще не вытеснено из литературного языка; новое употребление существует параллельно со старым, т. е. есть два варианта литературной нормы. В формах 1-го и 2-го лица множественного числа, как уже говорилось, сохраняется старое управление, однако под влиянием форм 3-го лица встречается и дательный падеж вместо предложного. А. А. Шахматов, приведя пример *Она мне родственница — по вам* (Т у р г е н е в, Дворян-

¹ Я. К. Г р о т, Филологические разыскания, изд. 4, Спб., 1899, стр. 917.

² См.: В. Д о л о п ч е в, Опыт словаря неправильностей русской разговорной речи, изд. 2, Варшава, 1909, стр. 184.

³ См.: «Толковый словарь русского языка», под ред. Д. Н. Ушакова, т. III, М., 1939, стр. 315.

ское гнездо), замечает: «Более обычно было бы: *по вас*»¹. Колебания в выборе падежа местоимения *вы* при предлоге *по* в шутливой форме отражены в одном из писем В. В. Маяковского: *Я дико скучаю по тебе и ужасно скучаю по вас всех (по «вам всем»?)*. К этому месту в письме сноски: «Попроси Осю прокорректировать»². Ср. формы дательного и предложного падежа в пределах одной книги К. Паустовского: *Из окна по нас стреляли* и *Бывали случаи, когда хозяева заборов открывали по нам огонь из обрезов*.

Аналогичные изменения происходят в сочетаниях числительных с предлогом *по*, однако здесь этот процесс пошел дальше, чем в сочетаниях с местоимениями.

В сочетаниях с дистрибутивным (распределительным) значением существительные при предлоге *по* ставятся в дательном падеже, например: *дали детям по яблоку*. В числительных такого единообразия нет. До начала XX в. часть числительных при предлоге *по* имела форму винительного падежа, часть — форму дательного падежа.

В форме винительного падежа употреблялись в таких сочетаниях числительные *два, три, четыре* (например, *по две, по три, по четыре копейки*)³ и составные числительные, последняя часть которых — *два, три* или *четыре* (например, *по тридцать две, по сорок три, по пятьдесят четыре копейки*), числительные *двести, триста, четыреста* (например, *по двести, по триста, по четыреста центнеров*) и составные числительные, начинающиеся словами *двести, триста* или *четыреста* (например, *по двести тридцать, по триста двадцать, по четыреста пятьдесят центнеров*), собирательные числительные (например, *по двое, по трое*).

Остальные числительные при предлоге *по* до конца XIX в. употреблялись в форме дательного падежа (например, *по пяти рублей*). Приведа пример А чтобы было у тебя на 12-ти тарелках **по 12-ть** птиц, и все чтобы раз-

¹ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, изд. 2, Учпедгиз, Л., 1941, стр. 362.

² В. В. Маяковский, Полное собрание сочинений, т. 13, Гослитиздат, М., 1961, стр. 98 (Письмо Л. Ю. Брик, 29 ноября 1926 г.).

³ См. примечание В. И. Даля к словарной статье «По»: «Два, три, четыре, с предл. по, требуют именит. падежа: *по два человека, по три птицы в клетке*» (В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, изд. 2, т. III, 1882, стр. 135). Именительный падеж здесь назван ошибочно вместо винительного.

ным пером (З е л е н и н, Великорусские сказки Вятской губ.), А. А. Шахматов сопровождает его пометой «Областн.»¹. Нелитературным считал подобные построения В. И. Чернышев, писавший: «Под влиянием сочетаний *по два, по три, по четыре* в разговорном языке распространены неправильные обороты *по пять, по шесть, по семь* и т. д. вместо *по пяти, по шести, по семи* и проч.»². Употребление числительных при предлоге *по* в винительном падеже вместо дательного не допускается словарем под ред. Д. Н. Ушакова: «с вин. п. вм. дат., напр. *по пять, по десять, по пятьдесят, по пятьсот* и т. п. — простореч.»³. Формы типа *по пяти* утверждаются как единственно возможные большим академическим словарем русского языка: «Сочетание с предлогом *по* выражает [...] Количественные отношения [...] С числительными: а) С дат.: *по одному (одной), по пяти, по шести, по семи, по восьми* и т. п., *по двадцати, по тридцати, по сорока, по пятидесяти* и т. п., *по девяноста, по ста* и т. п. б) С вин.: *по два (две), по три, по четыре, по двести, по триста, по четыреста; по двое, по трое*»⁴.

Между тем употребление построений типа *по пять* очень распространено в современном языке. Любопытно отметить, что А. М. Пешковский употребил именно такую форму в одном из примеров. Говоря об употреблении сочетаний с предлогом *по* в распределительном значении, он приводит в примерах соединений *по* с дательным падежом — *клевал по зернышку* и др. — только существительные; числительные в таком значении он приводит только в рубрике «*По с винительным*»: *нам дали по два рубля, мы обедаем группами по пять человек в каждой*; правда, ко второму примеру в скобках оговорка: «но и *по пяти человек*, и так даже литературнее»⁵.

Распространение сочетаний типа *по пять* объясняется стремлением к унификации синтаксической модели, к

¹ См.: А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, изд. 2, Учпедгиз, Л., 1941, стр. 379.

² В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, изд. 3, Пг., 1915, стр. 225.

³ «Толковый словарь русского языка», под ред. Д. Н. Ушакова, т. III, М., 1939, стр. 317.

⁴ «Словарь современного русского литературного языка», т. 10, изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стлб. 5—10.

⁵ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 5, Учпедгиз, М., 1935, стр. 286.

единообразие форм, выражающих одинаковые значения. В числительных такого единообразия не было, ср.: *по две, по три, по четыре книги* (вин. п.), *по пяти, по шести, по девятнадцати, по двадцати книг* (дат. падеж), *по двадцать две, по двадцать три, по двадцать четыре книги* (вин. падеж), *по двадцати пяти, по двадцати семи, по тридцати книг* (дат. падеж) и т. д.

В современном языке отчетливо проявляется тенденция к единообразию в употреблении числительных при предлоге *по*. Решающее влияние на выбор единой падежной формы числительных оказала форма числительных *два, три, четыре*, обозначающих первые единицы счета. Под влиянием этих числительных в живой речи и в печати распространяется употребление формы винительного падежа тех числительных, которые по старым правилам должны были бы выступать в форме дательного падежа.

Такое употребление можно часто встретить как в газетах, так и в художественной литературе. См. следующие примеры из газет: *Нам приносят в среднем по восемь проектов вечных двигателей в месяц*; *Ежегодно я получаю от каждой коровы по шесть — семь тысяч килограммов молока*; *В школе ей приходится бывать по двенадцать часов в день*; *Он называет имена своих товарищей, которые «набили» по двенадцать — тринадцать и даже пятнадцать тысяч центнеров зерна*; *Им всего по двадцать лет*; *Нас двое, обоим по тридцать лет*; *Прошлой осенью на трудодень выдавалось по тридцать рублей (в старых деньгах)*; *Стали брать — кукурузы — по семьдесят с лишним центнеров, гороха — по тридцать — тридцать пять центнеров с гектара*. См. также примеры из художественной литературы: *Лезвия... бывшие в употреблении по меньшей мере раз по тридцать* (И. Ильф и Е. Петров, Собрание сочинений, т. 4, стр. 520); *Там были блюда, за которые надо было платить по пять и по шесть рублей* (В. Голухин, Лирические повести, М., 1961, стр. 405); *Мне в жизни приходилось передвигаться на многих видах транспорта... на поезде узкоколеечном по пять километров в час* (Там же, стр. 12); *У них по шесть, по семь человек семья, и они получают по двести двадцать рублей в месяц* (Там же, стр. 89); *А бабы доставляют по десять аршин холста* (Там же, стр. 124); *...да еще хлеб по девяносто пять рублей за центнер, да еще мясо по восемь рублей за килограмм* (Там же, стр.

479); При такой добровольной продаже уже не по *четыре*ста литров молока продают колхозницы, а в среднем **по шесть-сот**, многие даже и **по восемь**сот (Т а м ж е, стр. 481); Ср. в той же книге и старую форму: *Ведь если в день проходить даже по десяти километров, ...и то куда уйдешь за полтора месяца* (В. С о л о у х и н, Лирические повести, стр. 12); *Было нам тогда по пятнадцати лет* (Т а м ж е, стр. 294); см. употребление формы винительного падежа и в переводной литературе: *Всем, кто постится по сорок дней, это удастся* (М а р к Т в е н, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 13); *Они были написаны на бумаге обычного формата, по шестьсот слов на странице* (Т а м ж е, стр. 184—185); *...обед, который ... стоил по десять шиллингов шесть пенсов с персоны...* (Ч. Д и к к е н с, Собрание сочинений, т. X, стр. 249).

Приведенные примеры (а их количество можно было бы значительно увеличить) свидетельствуют о широком распространении в современном русском языке конструкций типа *по пять книг*. Такое распространение означает, что старая норма употребления числительных с предлогом *по* разрушается, вытесняется новой¹. Таким образом, в современном русском литературном языке сосуществуют две модели конструкций: *по пять рублей* и *по пяти рублей*. Обе эти конструкции находятся в пределах литературной нормы, различаясь лишь своей стилистической окраской: первая имеет несколько более разговорный характер, вторая — более книжная.

Процесс вытеснения старой нормы новой нормой не обязательно происходит так прямолинейно, как это было схематически показано ранее — здесь возможно в некоторых случаях и попятное движение. Об этом свидетельствует, например, история форм именительного падежа множественного числа существительных мужского рода. В этих словах начиная с XV в. встречается изредка, наряду с окончанием **-ы (-и)**, также окончание **-а** (по-видимому, под влиянием названий парных предметов, сохранивших форму утраченного к тому времени двойственного числа и воспринимавшихся как формы множественного числа, например *берега, глаза*, и именительного падежа

¹ См. также: Д. И. Б у т о р и н, Употребление в распределительном значении количественных числительных с предлогом *по*. «Вопросы культуры речи», вып. 5, изд. «Наука», М., 1964.

множественного числа среднего рода, например *села*; может быть, появлению окончания **-а** способствовало и наличие **а** в новых окончаниях дательного, творительного и предложного падежа множественного числа существительных всех родов: **-ам, -ами, -ах**). Первоначально эти формы распространялись в письменности довольно медленно, «еще в XVII в., — по свидетельству П. С. Кузнецова, — такие формы редки»¹. Очень мало их было и в литературном языке XVIII в. Еще в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова говорится, что «одно только **а** имеют: *рог, рога; бок, бока; глаз, глаза*»; для семи слов допускаются двойные окончания: *берег — береги и берега; луг — луги и луга; лес — лесы и леса; остров — острова и острова; снег — снеги и снега; струг — струги и струга; колокол — колоколы и колокола*². Формы эти, по наблюдениям В. А. Плотниковой-Робинсон, стали широко распространяться в литературном языке с конца XVIII — начала XIX в., охватывая одушевленные существительные и иноязычные слова³. В современном языке для их употребления есть лишь следующие системные, «модельные» ограничения: окончаний на **-а** не имеют существительные с ударением на последнем слоге в именительном падеже единственного числа и с ударением на окончании в косвенных падежах единственного числа⁴ (исключение составляет только слово *рукава* — старая форма двойственного числа и, по-видимому, по аналогии, *обилага*). Но при все более широком распространении подобных форм в русском языке в современном употреблении закрепилось окончание **-ы** у некоторых слов, которые в литературном языке XIX в. имели уже окончание **-а**, например: *авторы, боцманы, волосы, мичманы, писари, почерки, штурманы*,

¹ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, изд. 2, изд. «Наука», М., 1965, стр. 212—213.

² См.: М. В. Ломоносов, Российская грамматика. Полное собрание сочинений, т. 7. Труды по филологии, 1739—1758, изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 463.

³ См.: «Очерки по истории русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного», изд. «Наука», М., 1964, стр. 209.

⁴ См.: С. П. Обнорский, Культура русского языка. Избранные работы по русскому языку, Учпедгиз, М., 1960, стр. 288—289. Ср.: В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, вып. 2, Части речи, изд. 2, Пг., 1915, стр. 52—53.

лоцманы и т. п. (в XIX в., наряду с такими формами, отмечались как нормативные *автора, боцмана, волоса, мичмана, писаря, почерка, штурмана, лоцмана*. Ср. последовательное употребление формы *лоцмана* в романе Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой «Три страны света»: *Лоцмана в Опоченском посаде составляют особое сословие...; Собираются лоцмана и баллотируют кандидатов шарами...лучшие лоцмана, известные под названием «просьбенных»...).* В начале XX в. рекомендуется употреблять не *конюхи*, а *конюха*¹, не *писари*, а *писаря*². В данном случае путь развития ясно виден. Попятное движение представляет собой редкие отклонения от этого пути, носит частный характер.

Норма и тенденция

Непрерывность языковых изменений означает, что в языке постоянно появляется нечто новое, противоречащее современной норме. Среди таких фактов есть, конечно, и случайные, не соответствующие системе языка, — они остаются единичными казусами за пределами литературного языка, — но есть и такие явления, в которых проявляются нереализованные возможности системы языка. Среди фактов второго рода встречаются такие, которые так и не достигают своего развития в языке (вспомним хотя бы судьбу причастий будущего времени), но нередко именно здесь начинают пробиваться иногда и ростки новой нормы. В языке постоянно существует противоречие между нормой — тем, что закреплено как обязательное общим употреблением, и тенденцией — тем, что начинает появляться и распространяться — первое время как редкое — в разговорной речи, в профессиональной речи и т. д. Тенденция всегда противопоставлена норме. В тех случаях, когда тенденция уже закрепились хотя бы в части случаев в литературном употреблении, мы можем представить себе путь дальнейшего развития (так, мы можем говорить о все большем расширении круга существительных мужского рода с окончанием *-а* в именительном падеже множественного числа). В случаях с употреблением предлога *по* с числительными и местоимениями в современном языке тенденция употребления конструкций типа *по нему, по пять* настолько распространилась, что становится новой

¹ См.: В. Долопчев, Опыт словаря неправильностей русской разговорной речи, стр. 108.

² Там же, стр. 181.

нормой (хотя эта норма еще не кодифицирована), сосуществующей со старой, но постепенно вытесняющей ее.

В тех случаях, когда тенденция проявляется за пределами литературного языка, судьбу ее предсказать трудно. Например, в современном литературном языке наблюдается тенденция к устранению параллельного употребления родительного и винительного падежа при переходных глаголах, к вытеснению родительного падежа винительным. В литературном языке родительный падеж в таких конструкциях обозначает неопределенный предмет, например *ждет известий* (каких-нибудь), неопределенное количество, например *купить хлеба*, а винительный падеж — определенный предмет, например *ждет жену*, или определенное количество, например *убрал хлеб со стола*. Еще А. М. Пешковский отмечал, что «оба падежа уже издавна стали здесь смешиваться, так что уже у Пушкина находим *и неизбежную разлуку в унынье робком ожидать*, у Лермонтова — *я цель свою достиг* и т. д., в настоящее же время они уже безнадежно спутаны»¹ (последние слова представляются слишком категорическими); на неправильное употребление винительного вместо родительного при глаголе *ждать* обращал внимание В. И. Чернышев, писавший: «*Ждать чего* (общепринятое употребление) и *ждать что* (худшее употребление, но нередко встречающееся)»². В современной разговорной речи указанная тенденция довольно сильна, проникают такие построения и в газеты. О сказанном свидетельствуют такие примеры, как *купил хлеб, колбасу* (вместо *купил хлеба, колбасы*), *Колхозники ждут новые машины* (вместо: *ждут новых машин*) и под. Направление изменений — употребление винительного падежа вместо ожидаемого родительного — очевидно; случаи обратной замены — родительный вместо ожидаемого винительного — практически не встречаются. Это направление изменений подтверждается и завершившимся в литературном языке параллельным процессом: в современном литературном языке полностью вытеснен винительным падежом так называемый родительный временного пользования, еще встречавшийся в лите-

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 5, Учпедгиз, М., 1935, стр. 266.

² В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, изд. 3, Пг., 1915, стр. 212.

ратурном языке XIX в., например: *Не можете ли вы одолжить мне карандашика* (И. С. Тургенев, *Новь*).

Но в настоящее время конструкции с винительным падежом типа *купил хлеб, выпил молоко, ждет трамвай* и под. воспринимаются (по крайней мере, в письменной речи) как отступления от общелитературной нормы, прогнозы их дальнейшей судьбы в литературном языке пока практически неосуществимы: тенденция эта еще слаба, чтобы вытеснить (или хотя бы потеснить) существующую норму, а для обоснованного прогноза необходимо учесть все факторы, воздействующие на развитие тем или иных языковых явлений, — чего мы в настоящее время сделать не в силах.

Начальные этапы разрушения нормы можно проследить на следующих примерах: употребление местоимения с частицей **-то**; употребление родительного падежа вместо винительного в тех случаях, когда существительное зависит от инфинитива, примыкающего к глаголу с отрицанием; соотношение личных и возвратного притяжательных местоименных прилагательных (*мой, твой — и свой*).

Местоименные слова с частицами **-то** и **-нибудь** обозначают нечто неизвестное говорящему: *Кто-то* принес письмо (не знаю кто); *Он куда-то* вышел (не знаю куда); *Кто-нибудь* отнесет письмо (не знаю, безразлично кто); *В воскресенье куда-нибудь* поедем (не знаю, не решил куда) и т. п. В этом отношении названные частицы близки друг к другу по значениям, придаваемым ими словам, которым они присоединяются.

Но между ними есть существенное различие.

Местоименные слова с частицей **-то** (*кто-то, что-то, какой-то, чей-то, где-то, куда-то* и т. п.) употребляются при указании на неизвестный говорящему в момент речи один конкретный предмет или явление. Местоименные слова с частицей **-нибудь** (*кто-нибудь, что-нибудь, какой-нибудь, чей-нибудь, где-нибудь, куда-нибудь* и т. п.) употребляются при указании на неизвестный говорящему неопределенный, возможный, иногда — безразлично какой предмет или явление: *Кто-то* принес письмо — принес один определенный человек, неизвестный говорящему; *Кто-нибудь* отнесет письмо — отнесет один человек из ряда возможных, неизвестный говорящему; *Куда-то* вышел — вышел в некое определенное место неизвестное говорящему; *Куда-нибудь* поедем — в один

из возможных мест, пока неопределенное. Ср. следующие два предложения: *Каждое утро он уходил **куда-то*** — *Каждое утро он уходил **куда-нибудь***. Первое предложение означает, что он ежедневно уходил в неизвестное говорящему одно и то же место (*Каждое утро он уходил **куда-то**: потом я узнал, что он по утрам работал в библиотеке*). Второе предложение означает, что он ежедневно уходил в неизвестные говорящему разные места (*Каждое утро он уходил **куда-нибудь**: в библиотеку, в музей, на выставку, в парк*).

Таким образом, если слова с частицей **-то** обозначают нечто одно, конкретное, определенное, то, что, хотя и неизвестно говорящему, может быть им установлено, — то слова с частицей **-нибудь** обозначают нечто неопределенное, имеют оттенок выбора.

Грубо говоря, *что-то* — нечто неизвестное, но то, что можно узнать, то, что уже есть; если *что-то* принесли, то достаточно развернуть сверток, чтобы узнать, что это; *что-нибудь* — это или 1) нечто неизвестное и то, чего нельзя узнать в момент речи: если *что-нибудь* принесут, то только после того, как принесут, можно будет узнать, что принесли, или 2) нечто неизвестное, одно из нескольких: если *что-нибудь* приносили — то или одно, или другое, или третье (*Каждый день друзья **что-нибудь** приносили больному: яблоки, апельсины, компот, печенье, конфеты*).

Различие в оттенках значения слов с частицами **-то** и **-нибудь** влечет за собой различия в употреблении этих слов.

Следует рассмотреть отдельно слова, не связанные непосредственно с глаголами, — местоименные прилагательные *какой-то, чей-то, какой-нибудь, чей-нибудь*, с одной стороны, и слова, синтаксически связанные с глаголами, — предметно-личные местоимения *кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь* и* местоименные наречия *где-то, где-нибудь, куда-то, куда-нибудь* и т. п. — с другой.

Местоименные прилагательные *какой-то, чей-то* служат для указания на один определенный неизвестный предмет, прилагательные *какой-нибудь, чей-нибудь* — для указания на один из нескольких неизвестных предметов: *Читал **какую-то** книгу без начала и конца* — читал одну, неизвестную книгу; *Читал **какую-нибудь** книгу* — читал одну из нескольких книг; *Взял **чью-то** ручку* — одну,

определенную, неизвестно чью; *Брал чью-нибудь ручку* — одну из нескольких, и т. п.

Среди местоименных слов, синтаксически связанных с глаголами, выделяются наречия *когда-то* и *когда-нибудь*. В соответствии с общими значениями, вносимыми в местоименные слова частицами *-то* и *-нибудь*, слово *когда-то* употребляется при указании на событие, происходившее в прошлом (т. е. в неизвестное говорящему, но некое одно, определенное время), а слово *когда-нибудь* — при указании на событие, которое произойдет в будущем (т. е. в неизвестное говорящему и неопределенное время): *Когда-то читал эту книгу; Когда-нибудь прочитаю эту книгу*; ср.: *Повстречал солдат солдата, друга памятных дорог, с кем от Бреста брел когда-то, пробираясь на восток* (А. Твардовский).

Употребление других местоименных слов, синтаксически связанных с глаголами, зависит от форм и значения глагола-сказуемого и от лица подлежащего.

В прошедшем времени при обозначении действия неповторяющегося возможны только слова с частицей *-то*: *Кто-то что-то* сказал; *В то утро я куда-то* уходил. При обозначении повторяющихся действий встречаются как слова с частицей *-то*, так и слова с частицей *-нибудь*. Слова с частицей *-нибудь* употребляются при обозначении разных предметов или обстоятельств: *Обычно кто-нибудь* запевал песню (не всегда один и тот же); *По утрам он куда-нибудь* уходил (в разные места). Слова с частицей *-то* употребляются в том случае, если речь идет об одном предмете или обстоятельстве: *Кто-то* запевал песню (неизвестно кто, но всегда один и тот же); *По утрам он куда-то* уходил (неизвестно куда, но всегда в одно и то же место). В этом значении не употребляются конструкции с первым лицом, типа «Я куда-то уходил каждый вечер».

Настоящее время в русском языке имеет, как известно, два основных значения: во-первых, оно может обозначать действие, происходящее в момент речи, во-вторых, оно может обозначать действие, обычно происходящее, не ограниченное временными рамками (в некоторых языках, например в английском, в тюркских, для передачи этих значений используются различные глагольные формы, например: *Он читает* [в настоящий момент] — англ. *He is reading*; казахск. *Ол оқып отыр*; *Он читает* [обычно] — англ. *He reads*; казахск. *Ол оқыйды*). При формах с

первым значением употребляются обычно слова с частицей **-то**: *Кто-то* поет; Он с *кем-то* разговаривает; ср.: *Вот кто-то* скользит через поле (Н. Матвеева); *Что-то* вслух бубнит мужчина, стоя в ящике по грудь (А. Твардовский). При формах со вторым значением употребляются слова с частицей **-нибудь**, так как эти формы имеют значение повторяющегося действия: *По воскресеньям мы куда-нибудь* уезжаем (ср. аналогичное значение в прошедшем времени).

В будущем времени слова с частицей **-то** невозможны при местоимении 1-го лица («Я пойду куда-то», т. е. «пойду неизвестно куда!»). При местоимении 3-го лица возможны, в зависимости от значения, формы с частицей **-то** (Он завтра пойдет **куда-то** — пойдет в определенное место, но говорящий не знает куда) и формы с частицей **-нибудь** (Он завтра пойдет **куда-нибудь** — говорящий знает, что он пойдет, но пойти он может в одно из нескольких возможных мест); *Все куда-то* денет он [сней], а *куда* — не скажет он (Н. Матвеева); *Словом, где-нибудь* приткнемся (А. Твардовский); *Быть может, где-нибудь* ему за это руки свяжут, как драчуну в угаре кабака (Н. Матвеева).

В повелительном наклонении употребляются только формы с частицей **-нибудь**: *Скажи что-нибудь*; *Пойдите куда-нибудь*. Только такие формы употребляются в придаточных, содержащих формы сослагательного наклонения, и в придаточных с условным значением (независимо от формы сказуемого): *Если бы кто-нибудь* читал заметку, ее бы напечатали; *Если кто-нибудь* придет, попроси подождать; *Надо, чтобы кто-нибудь* пришел сюда¹.

¹ Сказанное выше касается тех слов, в которые частица **-то** вносит указанный оттенок «нечто определенное, неизвестное говорящему». Особо выделяются слова с частицей **-то**, выражающей предположение. Слова с таким значением могут соединяться и с формами будущего времени глагола: *Когда-то* мы еще встретимся означает не «Мы встретимся неизвестно когда, в неизвестное время», а «Неизвестно, когда мы встретимся»; *Кто-то* будет у нас директором означает не «У нас будет директором неизвестно кто», а «Неизвестно, кто у нас будет директором»; *Куда-то* он завтра поедет означает не «Он поедет завтра неизвестно куда», а «Неизвестно, куда он завтра поедет». Иначе говоря, такие конструкции — местоименное слово стоит всегда в начале в подобном предложении — тождественны вопросительно-восклицательным предложениям:

В современном русском языке начинается процесс вытеснения частиц **-нибудь** и **-кое** частицей **-то**. Ср. уже у Чехова: *Лихорадящим больным есть не хочется, но чего-то хочется, и они это свое неопределенное желание выражают так: «чего-нибудь кисленького».* Так и мне хочется **чего-то** кисленького (А. П. Чехов, Письмо А. С. Суворину, 27 марта 1894 г.)¹. В соответствии со старой нормой надо было сказать, как и сказано в предыдущем предложении, *чего-нибудь кисленького*.

Такое употребление встречается и в современной литературе, например: *В грузовике на россыпях зерна куда-то еду, вылезая где-то* (Е. Евтушенко); *Придется вам что-то пересмотреть из своих планов* (В. Тендряков — в речи персонажа); *Может, кто-то улыбнется ей от сердца. Может, кто-то пожелает ей пути* (Н. Матвеева); *То ли се ли — должен кто-то делать что-то* (А. Твардовский); *И всего-то нужен кто-то, кто бы капельку помог* (Он же); *Я подумал, что кому-то все же следует проводить парня* (М. Чабб, Здесь жила Нефертити, перев. с англ.); *...всегда находилась одна настоящая фраза, которую я узнал, или прочитал, или услышал от кого-то* (Э. Хемингуэй, Праздник, который всегда с тобой, перев. с англ.); *...я слушал других людей и надеялся, что все замечу, и надеялся, что узнаю что-то новое...* (Там же); *Она обладала особым личным обаянием, и, когда хотела привлечь кого-то на свою сторону, устоять было невозможно...* (Там же); *Но, может быть, ты хочешь истратить их на что-то другое?* (Там же) — ср. рядом: *А может быть, тебе приятней будет истратить деньги на что-нибудь еще?* Ср. и в газетах: *Тут никак нельзя кого-то оставить в тени, кого-то забыть или просто отмахнуться от человека, криво шагающего по жизни; То один, то другой вспоминает какие-то подробности, какую-то деталь, характеризующую его скромность.*

Подобные образования только начали распространяться в языке, трудно сказать, закрепятся ли они в литературном употреблении. Но направление тенденции яв-

Когда мы еще встретимся?!; Кто будет у нас директором?!; Куда он завтра поедет?! В этих случаях, по существу, выступает указательная частица -то — омоним неопределенной частицы.

¹ См.: «Словарь современного русского литературного языка», т. 17, изд. «Наука», М.—Л., 1965, стлб. 1138.

ственно видно: случаи, когда вместо местоименного слова с частицей **-то** употребляется слово с частицей **-нибудь**, очень редки, тогда как обратная замена встречается чаще¹.

Начальный этап процесса можно наблюдать и в изменениях, происходящих в сочетаниях типа «не + спрягаемый глагол + инфинитив + существительное». Неоднократно цитировались слова Пушкина о падеже существительного в таких конструкциях: «Стих: *Два века ссорить не хочу* критику показался неправильным. Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательной частицей, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например: *Я не пишу стихов*. Но в моем стихе глагол *ссорить* управляем не частицей *не*, а глаголом *хочу*. Ergo, правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее предложение: *Я не могу вам позволить начать писать... стихи*, а уж конечно не *стихов*. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю»². Однако у самого Пушкина в таких конструкциях встречается и родительный падеж, например: *Своей дремоты превозмочь не хочет воздух* («Полтава»); *Я решительно не хочу выносить сору из Михайловской избы* (Письмо брату). Подобные примеры можно встретить и у современников Пушкина: *Нельзя ль маршрута показать* (В. А. Жуковский); *Да дня такого нет, чтоб не боялась ты за ужин иль обед в курятнике оставить шкуры* (Крылов). Л. А. Булаховский, приводя эти и подобные примеры, замечает: «Язык современников Пушкина обнаруживает, ...в согласии с требованием его критика, большое пристрастие к тому, чтобы в конструкциях, где сама управляющая часть (инфинитив) отрицания не имеет и только примыкает к слову с *не* или слову с отрицательным значением, употреблять родительный, а не винительный падеж. Тенденция эта в пушкинское и предшествующее время, по-видимому, проявлялась несколько сильнее, чем теперь»³. Последнее его утверж-

¹ Ср. объяснение этого явления в статье: J. Rybák, Charakter opozície neurčitých zámen typu кто-нибудь — кто-то. «Československá rusistika», t. X, № 4, 1965.

² А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 10 томах. т. VII, изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 173.

³ Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX в., т. II, изд. «Радянська школа», Киев, 1947, стр. 356—357.

дение, однако, представляется сомнительным. А. М. Пешковский, говоря, что винительный и родительный «смещаются, когда они зависят не от глагола с отрицанием, а от инфинитива, который сам зависит от глагола с отрицанием (*не хочу покупать бумаги и не хочу покупать бумагу, не надеюсь получить жалованья и т. д.*)», пишет, правда, довольно осторожно: «...в этом случае винительный, кажется, даже преобладает»¹. Возможность употребления в таких конструкциях, наряду с винительным, и родительного падежа косвенно признает и А. Н. Гвоздев: «Винительный часто встречается, когда он зависит от инфинитива, подчиненного глаголу с отрицанием: *Он не запрещал выносить столы и столов. Он не мог окончить работу и работы*»². Такова же позиция и других авторов: «Употребление родительного падежа в этих конструкциях встречается реже, при этом подчеркивается отрицание, например: *не могут удовлетворить справедливых требований; не хотелось бы нарушать спокойствия*»³. В современной письменной речи родительный падеж в таких конструкциях встречается не так уж редко, например: *Неужели мы меньше шведов и латвийцев любим свою старину, что не можем устроить такого музея* (В. Солоухин, Лирические повести); *Нельзя было представить себе более типичного лица пруссака* (Тейнде Фрис, Рыжеволосая девушка, перев. с голл.). Ср. и примеры из газет: *Заявления португальских властей... не могут заглушить выстрелов в Анголе; До сих пор не удается создать при магазине пункта по ремонту киноаппаратуры; Не следует принимать от художников подобных работ; В беге на 10 тысяч метров москвич Петр Болотников не сумел показать прошлогоднего результата; Видимо, он просто не потрудился сделать всех необходимых расчетов* и т. д.

Таким образом, в современном языке есть тенденция употреблять родительный падеж вместо винительного и в тех случаях, когда отрицание находится при слове, от которого зависит управляющий глагол. Такие конструкции все чаще встречаются не только в устной речи, но и в

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, Учпедгиз, М., 1935, стр. 265.

² А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, Учпедгиз, 1955, стр. 298—299.

³ К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь, Литературное редактирование, изд. 2, изд. «Искусство», М., 1961, стр. 298.

письменной. Однако эта тенденция, несмотря на долгое существование в языке, не стала нормой, и даже наиболее «либеральные» авторы допускают употребление таких конструкций лишь в отдельных (к тому же весьма нечетко определенных) случаях¹.

Проще всего, разумеется, было бы отмахнуться от примеров, подобных приведенным здесь, — ведь это очевидные ошибки, «неграмотность» и т. п. Но эта «ошибка» все чаще встречается не только в устной, но и в письменной речи, и задача лингвиста — понять и объяснить ее распространение. Обычно родительный падеж вместо винительного появляется здесь при глаголах со значением модальности. Соединения таких глаголов с инфинитивами полнозначных глаголов соотносительны со спрягаемыми формами полнозначных глаголов, ср.: *не следует принимать такие работы — не принимайте таких работ; не потрудился сделать все расчеты — не сделал всех расчетов* и т. п. Параллелизм, взаимозаменяемость двух названных конструкций, — по-видимому, один из самых сильных факторов, влияющих на распространение сочетаний *«не + спрягаемый глагол + инфинитив + родительный падеж»*.

Еще один пример начала разрушения старых отношений — употребление притяжательных местоименных прилагательных (для краткости далее будем называть их притяжательными местоимениями). В русском языке есть притяжательные местоимения двух типов: личные притяжательные местоимения *мой, твой, наш, ваш* и возвратное *свой*. Личные притяжательные местоимения обозначают принадлежность первому или второму лицу: *мой* — «принадлежащий мне», *твой* — «принадлежащий тебе» и т. д. (для указания на принадлежность третьему лицу используется — как несклоняемая форма — родительный падеж местоимения 3-го лица *его, ее, их*). Возвратное притяжательное местоимение *свой* обозначает принадлежность любому из трех лиц — но только субъекту действия, например: *Родина крылья свои подымает* (Б. Г л у ц к и й); *Аудитория тепло встретила молодого поэта, прочитавшего свои стихи*.

¹ Недопустимым считает родительный падеж в подобных конструкциях К. И. Чуковский. Он приводит как пример неправильного употребления следующее предложение: *Не хочу описывать разнообразных чувств, нахлынувших на меня* (К. И. Ч у к о в с к и й, Высокое искусство, изд. «Искусство», М., 1964, стр. 172).

При подлежащих-местоимениях 1-го и 2-го лица могут быть употреблены как местоимения *мой, твой* и т. д., так и местоимение *свой*. Правда, В. И. Чернышев полагал, что местоимения *мой, твой* не могут быть употреблены при подлежащих, выраженных соответственно местоимениями 1-го и 2-го лица: «Притяжательные местоимения *мой, твой, его*... обыкновенно не соединяются с соответственными лицами, т. е. не говорят: я взял **мою** книгу, ты взял **твою** тетрадь, он получил **его** заработную плату, но обыкновенно заменяют в этом случае местоимения отдельных лиц общим местоимением *свой*» и поэтому считал «не вполне соответствующими общепринятому русскому употреблению» примеры типа: *Там стадо **моего** отца пасла я с детских лет* (Ж у к о в с к и й, Орлеанская дева); *Я спокойно... наслаждался **моею** славой* (П у ш к и н, Выстрел)¹. Но далее он справедливо отмечает, что при некоторых условиях возможно употребление местоимений *мой, твой* для обозначения принадлежности подлежащему². А. М. Пешковский писал, сравнивая значение личных и возвратного притяжательных местоимений: «...едва ли случайно Борис Годунов говорит в одном случае *в семье **моей** я мнил найти отраду*, *я дочь **мою** мнил осчастливить браком...*, а в другом случае — *кто ни умрет, я всех убийца тайный; я ускорил Феодора кончину, я отравил **свою** сестру царицу*; Во втором случае *свой* больше подходит, чем *мой*, потому что высказывается мнение не самого Бориса, а его хулителей, которые про него говорили: «Он отравил **свою** сестру», так что *свой* намекает здесь на этих хулителей, а *мою* излишне подчеркивало бы участие говорящего в той мысли, которой он на самом деле не разделяет. Точно так же у Лермонтова противопоставление *всей **вашей** черной кровью **поэта** праведную кровь* выходит сильнее, чем если бы было сказано *всей **своей** черной кровью*»³.

Так как в русском языке, как было сказано, нет притяжательного прилагательного, обозначающего принадлежность третьему лицу, то возвратное притяжательное местоимение *свой* воспринимается как личное притяжатель-

¹ См.: В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, вып. 2, Части речи, изд. 2, Пг., 1915, стр. 213.

² Там же, стр. 214.

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 5, Учпедгиз, М., 1935, стр. 146.

ное местоимение 3-го лица, т. е. существующее в литературном языке соотношение:

Притяжательное местоименное прилагательное	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Личное	<i>мой</i>	<i>твой</i>	—
Возвратное		<i>свой</i>	

заменяется следующим соотношением:

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Притяжательное местоименное прилагательное	<i>мой</i>	<i>твой</i>	<i>свой</i>

т. е. местоимение *свой* употребляется как соотносительное со словами *мой*, *твой*, для обозначения принадлежности третьему лицу, независимо от того, каким членом предложения является существительное, называющее это лицо¹. В результате появляются предложения, в которых местоимение *свой* выступает вместо притяжательных форм 3-го лица *его*, *ее*, *их*, например: *Я вспоминаю рассказы учителя о **своей** жизни. Не просто было ему стать образованным музыкантом (Из газет); Недавно одна девочка записала воспоминания отца о **своем** учителе — им был Иван Павлович Чехов, брат писателя (Из газет); Роман... был для автора «Севастопольской страды» одним из основных источников в работе над **своей** эпопеей (М. Ф и л и п*

¹ В просторечии единообразие достигнуто иным путем — слова *его*, *ее*, *их*, обозначающие принадлежность третьему лицу, оформляются как прилагательные, т. е. схема принимает следующий вид:

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Притяжательное местоименное прилагательное	<i>мой</i>	<i>твой</i>	„евонный“, „ейный“, „ихний“

п о в, Тернистый путь русского ученого); *Благодаря своему упорству им были созданы... класснейшие рысаки последних лет* («Коневодство»); ...из широкого окна *своего* номера ему были видны Охотный ряд и торопившиеся на работу прохожие (М. У и л с о н, Встреча на далеком меридиане, перев. с англ.). Эта тенденция лежит за пределами нормы, и ее распространение привело бы к распространению двузначных конструкций (см. особенно первый и второй примеры), что вряд ли можно назвать усовершенствованием языка¹.

Наконец, еще один пример противопоставления нормы и тенденции. Деепричастный оборот, как известно, примыкает к глаголу. По аналогии с деепричастными оборотами при глаголе встречаются иногда деепричастные обороты при отглагольных существительных, например: *Одной из наиболее важных является проблема создания единого комплекса нормативов для всех факторов, учитывая при этом, что нередко одни из них усугубляют действие других* (Реферативный журнал «Металлургия», 1962, № 3) — ср.: *создать* единый комплекс нормативов, *учитывая*, и т. д.; [*Пусть народ потребует от правительства США признания законного правительства*] и *оказания* ему всяческой военной и экономической помощи, *не связывая* ее никакими условиями («За рубежом», 1961, № 8 — ср.: *оказать* помощь, *не связывая* ее и т. д.); *На откосах рва были насыпаны «репья, или рогульки четвероногие», затруднявшие проникновение в крепость, миную мосты* (ср.: *проникнуть* в крепость, *минуя* мосты) и т. д. И эта тенденция, по-видимому, останется за пределами литературной нормы, так как приводит к появлению у деепричастного оборота двойной связи: с отглагольным существительным (в данном случае, по замыслу пишущего, необходимая связь) и с глаголом (обусловленная системой языка, но в данном случае — «паразитная» связь, неизбежно создающая помехи).

<p>Возможности кодификации на разных уровнях языка</p>	<p>Разные уровни языка в разной степени поддаются кодификации.</p> <p>Относительно легко, в связи с широким распространением средств массовой коммуникации, производится замена одних слов с тер-</p>
---	---

¹ См. также: В. Г. К о с т о м а р о в, Культура языка и речи в свете языковой политики. «Язык и стиль», изд. «Мысль», М., 1965, стр. 21—22.

минологическим значением другими. Такова замена слова *нарком* словом *министр*, слова *командир* словами *офицер*, *генерал*, замена английских терминов футбола русскими (*вратарь*, *защитник*, *нападающий* и т. п. вместо *голкипер*, *бек*, *хавбек* и т. п.), *городская булка* вместо *французская булка* и т. п.

Во многом не поддаются предсказанию пути развития значений слов — расширение значений, появление переносных значений (метафоризация) и т. п.

Так, по словарю под ред. Д. Н. Ушакова, слово *холодильник* имело два значения: 1. Устройство, прибор для охлаждения чего-нибудь (техн.): *Холодильник паровой машины* (резервуар, в который выпускается для охлаждения пар). 2. Сооружение, помещение с искусственно пониженной температурой воздуха для хранения, перевозки скоропортящихся продуктов: *Вагон-холодильник. Городские холодильники*¹. Поэтому для обозначения домашнего холодильника (номенклатурное название *холодильный шкаф*), который тогда в нашей стране не изготовлялся, Ильф и Петров использовали описательный оборот, а далее — заимствованное слово: *Говорковым уже была приготовлена комната... с собственной маленькой кухней. Тут была красивая белая газовая плита и электрический холодильник* (И. И л ь ф, Е. П е т р о в, Тоня, 1937); *В рефрижераторе у нее совсем по-американски лежали три грейпфрута, яйца, бутылки с молоком, масло* (Т а м ж е). С распространением у нас самой реалии у слова *холодильник* развилось новое значение. Процесс метонимического развития значений «предмет (в широком смысле слова) → действие» наблюдается, например, у слова *бюро*; *было избрано бюро* (т. е. руководящий орган) — *вчера было бюро* (т. е. заседание бюро), *обсудили на бюро* (аналогичный процесс можно отметить в словах *правление, комитет, исполком, профком* и под.).

Значительные трудности возникают при установлении норм сочетаемости слов, при определении возможности или невозможности соединения тех или иных слов (эта трудность возрастает, как видно из дальнейшего, в отношении третьего из перечисленных ниже типов сочетаемости слов, т. е. в отношении их лексической сочетаемости).

¹ См.: «Толковый словарь русского языка», под ред. Д. Н. Ушакова, т. IV, М., 1940, стлб. 1171.

Возможности соединения слов определяются, во-первых, принадлежностью соединяемых слов к тем или иным грамматическим категориям. Например, в известном предложении А. А. Реформатского *Кентавр выпил круглый квадрат*¹ сочетание *круглый квадрат* (как и все другие сочетания слов в этом предложении) грамматически правильно, потому что прилагательное здесь, как это вообще свойственно русскому языку, согласуется с существительным в роде, числе и падеже. Такого рода сочетаемость — грамматическая сочетаемость слов — определяется моделями современного языка².

Точно так же легко устанавливается (это определяется не чисто языковыми условиями, а значениями соединяемых слов) семантическая (по А. И. Смирницкому, фразеологическая) сочетаемость слов. «Наряду с грамматической, или, точнее, синтаксической, сочетаемостью слов, существует и другая сочетаемость — фразеологическая. Необходимо учитывать, что слова вступают в определенные отношения друг с другом также на основе их лексической семантики. Так, например, с грамматической (синтаксической) точки зрения словоформы (*to*) *read*, (*a*) *letter*, (*to*) *kill*, (*a*) *bird* могут образовать четыре различных словосочетания: *to read a letter*, *to kill a bird*, *to read a bird*, *to kill a letter* [т. е. «читать письмо», «убивать птицу», «читать птицу», «убивать письмо». — В. И.], однако с лексической точки зрения последние два словосочетания не представляются возможными; и дело здесь, конечно, не в каком-то особом характере этих слов, а в тех отношениях, которые существуют в реальной действительности между обозначаемыми этими словами процессами и предметами»³.

Этот второй тип, который А. И. Смирницкий называет фразеологической сочетаемостью, правильнее было бы назвать семантической сочетаемостью, так как возможность соединения слов в данном случае определяется их семантикой, отражает возможность соединения называемых словами понятий.

¹ См.: А. А. Реформатский, Введение в языковедение, изд. 4, изд. «Просвещение», М., 1967, стр. 332.

² Как уже было сказано ранее, по-иному обстоит дело с управлением, которое в ряде случаев определяется — в отличие, например, от согласования — не моделью, а списком, словарем (см. об этом на стр. 17—18 и след.).

³ А. И. Смирницкий, Синтаксис английского слова, Изд. лит. на иностр. яз., М., 1957, стр. 53.

Наконец, третий тип — это лексическая сочетаемость слов. Не все слова, обозначающие сочетаемые понятия, могут соединяться друг с другом. Язык накладывает на эту возможность ограничения. Сочетаемость слов с определенными значениями ограничена возможностями употребления только некоторых слов данного семантического ряда (иногда — только одного слова) в соединении с другим, грамматически и семантически сочетаемым с данным (наиболее ярко это видно в случаях предельного ограничения сочетаемости — при фразеологизации). Так, слово *настежь*, как и слово *нараспашку*, обозначает «широко раскрытый». Но эти значения названных слов реализуются только в соединении со строго ограниченным кругом слов, например: *окна, двери раскрыты настежь; пальто, ворот нараспашку* (переносно — *душа нараспашку*), при невозможности сказать «глаза нараспашку» (т. е. «широко раскрыты»), «рот нараспашку» и т. д. Такого рода отступления от норм лексической сочетаемости употребляются в художественной литературе как средство комического; см., например, у Зощенко: *Там, говорят, воздух превосходный — сосновый и еловый* (М. Зощенко, Человека обидели.— Ср. привычное сочетание *сосновый воздух* и неупотребительное *еловый воздух*); *Монтер Иван Кузьмич Мякишев ничего на это не сказал, но в душе затаил некоторую грубость* (М. Зощенко, Монтер.— Ср. *затаить обиду, затаить злобу*); *...Вдруг в квартире ропот происходит* (М. Зощенко, Пушкин.— Ср. без установки на комический эффект: *Шорох происходил как бы в воздухе или на деревьях*. «Охота и охотничье хозяйство», 1960, № 3); *А я говорю: — Не в деньгах, гражданка, счастье. Извините за указание* (М. Зощенко, Аристократка.— Ср. *извините за выражение*); *А студент был, конечно, мелковатый, непрочный субъект* (М. Зощенко, Серенада.— Ср. *слабый человек*); *Дореволюционный мастер кисти* (М. Зощенко, Не пушу); *Конечно, ему чудные похороны закатали* (М. Зощенко, Поминки).

«Язык неисчерпаем в соединении слов», — писал Пушкин. Значения слов и их употребление, незаметно для говорящих, постепенно изменяются, что создает новые возможности для соединения слов. Так, только в послевоенные годы появились сочетания *фундаментальные трудности, конструктивные предложения, гамма станков* и т. п. В этой сфере сильнее всего влияние узуса,

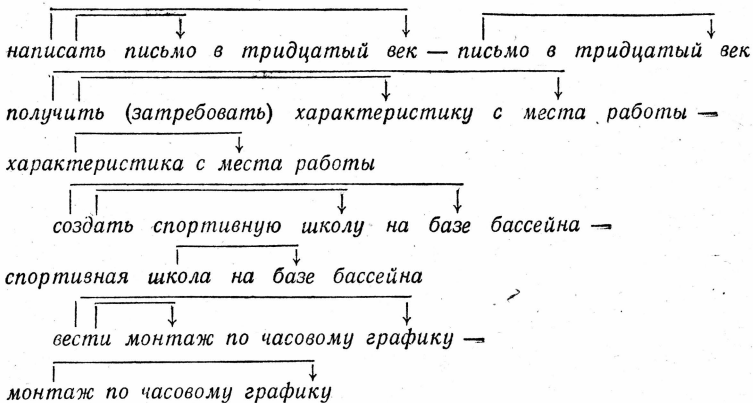
употребления, которое и является основным критерием нормативности данного явления¹.

Такие же трудности возникают и при нормализации других явлений, которые в структуре языка устанавливаются не моделью, а списком, например управления. Именно поэтому в сфере управления очень сильно влияние синтаксической ассимиляции, именно здесь часто встречаются отступления от нормы, объясняемые действием аналогии. Таковы, например, наблюдаемые в печати случаи неправильного выбора падежа зависимого слова под влиянием управления синонимических слов: *Настоящая книга, предназначенная, в первую очередь, студентам-филологам*, ...не является учебником в узком смысле этого слова (ср.: адресовать кому-нибудь, но предназначать для кого-нибудь); Совершенно не различая между теми пассажирами, которые ведутся от автора, и пассажирами диалогическими, она подвергла материал статистическому исследованию (ср.: различие между чем и чем, но различать что и что); Такое произношение характерно не только южнорусским, но и некоторым севернорусским говорам (ср.: присуще, свойственно кому-нибудь, но характерно для кого-нибудь); Отрицательно сказывается на экономике предприятий наличие излишнего оборудования и инструмента (ср.: влиять на что-нибудь, но сказываться на чем-нибудь); Он осужден к трем годам заключения (ср.: приговорить к чему, но осудить на что); Десять человек удостоены премиями (ср.: наградить чем, но удостоить чего) и т. д.

¹ М. М. Копыленко, исследовавший сочетаемость группы глагольных лексем с группой именных лексем, пишет: «...нельзя объяснить предметно-логическими причинами, почему сочетание *вызвать недоумение* получило балл 60, а *вызвать бодрость* — балл 34, *вызвать мужество* — балл 20, *вызвать отвагу* — балл 18. Вполне очевидно, что информанты в данном случае руководствовались не предметно-логическими мотивами, а усвоенной ими языковой традицией. Та же традиция подсказывала информантам решение, когда им нужно было определить возможность или невозможность сочетаний *возбудить интерес* (55), *возбудить стремление* (30), *возбудить досаду* (26), *возбудить обиду* (11)» (М. М. Копыленко, К экспериментальному изучению сочетаемости лексем. «Вопросы языкознания», 1965, № 2, стр. 87—88). Автор, работая с 20 информантами, предоставлял возможность ответить на вопрос о сочетаемости лексем по четырехбалльной системе: «да» — 3, «скорее да» — 2, «скорее нет» — 1, «нет» — 0 (Цит. соч., стр. 86). Следовательно, максимальный балл 60 (3×20 — все 20 информантов отвечают «да»).

Степенью употребительности в литературном языке определяется нормативность новых словосочетаний, образовавшихся, как пишет Н. Ю. Шведова, «в результате утраты многочленными структурами отдельных (обычно сильноуправляемых) компонентов, вызванной большой частотностью употребления и связанным с ней образованием стандартов»¹, например, *подать в суд иск (заявление) на клеветника — подать в суд на клеветника; внедрить метод в производство на нескольких заводах — метод внедрен на нескольких заводах; помогать дома кому-нибудь по хозяйству — помогать дома по хозяйству*.

На такое отпадение отдельных элементов влияют и сильные члены ряда словосочетаний. Ср. в деловой речи, по аналогии с *объявить выговор за что-нибудь, поставить на вид за что-нибудь*, конструкции *предупредить за что-нибудь* (ср.: *предупредить о чем-нибудь, предупредить что-нибудь*); *строго указать за невыполнение плана* (ср. *указать на что*). Тот же критерий употребительности в литературном языке определяет нормативность именных словосочетаний, возникших в результате процесса «переразложения» связей компонентов многочленных глагольно-именных конструкций с так называемым «слабым управлением»², например:

¹ Н. Ю. Шведова, О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе. «Вопросы языкознания», 1964, № 2, стр. 4. Большая часть приводимых далее примеров словосочетаний взята из этой статьи.

² Там же, стр. 3.

Легче поддаются кодификации формы словоизменения, так как здесь существуют общие для разрядов слов модели. Необходимо только учитывать возможность сосуществования в течение некоторого времени старой и новой формы, т. е. возможность вариантов нормы: ср. параллельные формы на **-а** и на **-у** в родительном падеже единственного числа (с количественно-выделительным значением), например *сахара* и *сахару*, или формы на **-е** и на **-у** в предложном падеже единственного числа, например *в отпуске* и *в отпуску*. Трудности здесь возникают в тех случаях, когда в языке сосуществуют непродуктивная и продуктивная модель. Таково положение с упоминавшимися уже ранее глаголами продуктивного класса **-ать — -ает** (*читать — читает*) и непродуктивной группы **-ать — -ет**, без **а** в основе настоящего времени (*пахать — пашет*). Глаголы *икать*, *лобзать*, *лакать*, *черпать*, *рыкать*, *страдать*, *стругать*, *тягаться*, *фыркать* и т. д., как пишет В. В. Виноградов, уже полностью перешли в продуктивный класс¹; ср. архаичные формы *страждет*, *ичет* (в поговорке *С холоду ежится, с голоду ичется*) и т. д. Значительная часть глаголов сохраняет старую парадигму: *бормотать*, *вязать*, *глодать*, *грохотать*, *искать*, *клеветать*, *писать* и т. д. Ряд глаголов образует формы настоящего времени двумя способами — и по продуктивному, и по непродуктивному образцу.

Академическая «Грамматика русского языка» приводит следующий список таких глаголов: *алкать — алчет* и *алкает*, *брызгать — брызжет* и *брызгает*, *глодать — гложет* и *глодает*, *двигать — движет* и *двигает*, *капать — каплет* и *капает*, *клепать — клеплет* и *клепает*, *кликать — кличет* и *кликает*, *колыхать — колышет* и *колыхает*, *кrapать — краплет* и *крапает*, *кудахтать — кудахчет* и *кудахтает*, *махать — машет* и *махает*, *мурлыкать — мурлычет* и *мурлыкает*, *плескать — плещет* и *плескает*, *полоскать — полощет* и *полоскает*, *прыскать — прыщет* и *прыскает*, *рыскать — рыщет* и *рыскает*, *тыкать — тычет* и *тыкает*, *хныкать — хнычет* и *хныкает*, *щепать — щеплет* и *щепает*, *щипать — щиплет* и *щипает*².

¹ См.: В. В. Виноградов, Русский язык¹ Учпедгиз, М., 1947, стр. 448. По мнению В. В. Виноградова, закончился переход в продуктивную группу и глагола *двигать*.

² См.: «Грамматика русского языка», т. I, изд. АН СССР, М., 1952, стр. 555.

Такой параллелизм приводит к появлению полностью тождественных друг другу форм — абсолютных синонимов; но эта абсолютная синонимичность устраняется ввиду различий между формами. Так, в некоторых случаях разные парадигмы соотносятся с разными значениями: *двигает* «перемещает с места на место» — *движет* «руководит» (*Им движет сознание долга*); *мечет* «бросает, разбрасывая», «производит потомство» (*Рыбы мечут икру*) — *метаёт* «сшивает крупными стежками, намечая линию шва», «обшивает» (*Метаёт платье, метаёт петли*) (т. VI, стлб. 904—907)¹. Для некоторых глаголов словарь указывает параллельные формы в одном из значений и только одну из форм — в другом, например *клепать* «склепывать» — *клепает* и *клеплет*, но *клепать* «звонить» (устар.), «клеветать» — только *клеплет* (т. V, стлб. 1015—1016); *прыскать* — *прыскает* и *прыщет*, но в наиболее распространенном в современном языке значении «опрыскивать» — только *прыскает*. Практически не употребляется в современном языке глагол *алкать*. Можно также исключить из рассмотрения формы, которые словарь характеризует как просторечные: *глодаёт* (т. III, стлб. 137—138), *кликаёт* (т. V, стлб. 1027—1028), *кудахтаёт* (т. V, стлб. 1789—1790), *полоскает* (т. X, стлб. 1063—1064), *щипает* (т. XVII, стлб. 1691—1693). По данным словаря², в преде-

¹ Здесь и далее в скобках — том и столбец «Словаря современного русского литературного языка» Академии наук СССР.

² К словам литературного языка отнесены и те, которые снабжены в словаре пометой *разг.* Объясняется это тем, что составители не считали их нелитературными, в отличие от слов, снабженных пометой *простореч.* (*в просторечии*). Об этом свидетельствуют следующие высказывания: «Если слово не имеет общелитературного употребления или если оно ограничено исторически, то оно сопровождается пометами: в п р о с т о р е ч и и [разрядка моя. — В. И.], областное, церковное, устарелое, новое» («Словарь современного русского литературного языка», т. I, 1949. Введение, стр. XIII — слова с пометой *разг.*, как видно, не относятся, по мнению составителей, к необщелитературным). «Пометой *разг.* (разговорное слово) снабжаются слова, обычные в устном общении и отличающиеся некоторой непринужденностью выражения. Помета *простореч.* (просторечное слово) ставится при словах, также принадлежащих речи устной по преимуществу, но обладающих помимо этого свойством грубовато понижать форму выражения» («Словарь современного русского литературного языка», т. IV, 1955. Предисловие, стр. IV). К концу издания, по-видимому, возникли сомнения в значении этих помет. В листке, вложенном в XV том словаря (изданный в 1963 г.),

лах литературного языка остаются формы *капает* и *каплет* (т. V, стлб. 767—768; академическая грамматика отмечает для этих форм разные значения: *капает* — «роняет капли на что-нибудь», *каплет* — «протекает») ¹, *колыхает* и *колышет* (т. V, стлб. 1204—1205; несмотря на отсутствие помет в словаре, форма *колыхает* находится по употреблению, по-видимому, за пределами литературной нормы, словарь С. И. Ожегова приводит только форму *колышет* ²), *крапает* и *краплет* (в словаре С. И. Ожегова только *краплет* ³), *мурлыкает* и *мурлычет*, *плескает* и *плещет* (в словаре С. И. Ожегова только *плещет* ⁴), *рыскает* и *рыщет* (в словаре С. И. Ожегова только *рыщет* ⁵), *тыкает* и *тычет* (в словаре С. И. Ожегова только *тычет* ⁶), *хныкает* и *хнычет*, *щепают* и *щеплет* (в словаре С. И. Ожегова только *щеплет* ⁷). При кодификации этих форм необходимо исходить из анализа их употребительности в литературном языке (во всем многообразии его форм), для чего необходимы дополнительные статистические исследования. Относительно равная употребительность форм непродуктивного и продуктивного типа будет свидетельствовать о сосуществовании этих форм в пределах литературной нормы.

В словообразовании проблема кодификации особенно сложна в тех случаях, когда речь идет о словах, закономерно построенных по продуктивным моделям. Ср., на-

содержится следующий вопрос читателям: «Какое понимание вы вкладываете в стилистические пометы: *Разг(оворное)*, *Простореч(ное)*? Считаете ли вы их запретительными, т. е. не позволяющими употреблять слово в литературном языке, или, наоборот, рекомендательными, предлагающими употреблять эти слова в разговоре?» Очевидно, лингвист должен считать эти пометы *регистрающими*, объективно отражающими сферу употребления слова. О помете *простореч.* в самом словаре сказано, что это «нормативное указание при словах ограниченного употребления» («Словарь современного русского литературного языка», т. I. От редакции, стр. III).

¹ См.: «Грамматика русского языка, т. I, изд. АН СССР, М., 1952, стр. 556.

² См.: С. И. Ожегов, Словарь русского языка, изд. 6, М., 1964, стр. 278.

³ Там же, стр. 294.

⁴ Там же, стр. 513.

⁵ Там же, стр. 682.

⁶ Там же, стр. 804.

⁷ Там же, стр. 887.

пример, ряд существительных на *-ость*, образованных от прилагательных: *бодрость, дикость, обидчивость* и т. д.; как оценить с точки зрения нормы *квадратность, сиреневость, розовость*? Как отнестись к бесчисленным отглагольным существительным на *-ие* — не искусственным образованиям типа *мокнутье* или *утонутье*, а закономерно построенным по моделям, существующим в современном языке, — к словам типа *заворачивание, разворачивание, переворачивание, доворачивание, выворачивание, отворачивание, сворачивание, телефонирование* и т. п. Очевидно, в словообразовании в качестве основных критериев следует учитывать соответствие модели и отсутствие в литературном языке слов, абсолютно синонимичных данному: так, мы, по-видимому, отвергнем слово «черность» потому, что оно ничем не отличается от существующего в литературном языке слова *чернота*. Образования по продуктивной модели всегда могут возникнуть, если появляется необходимость в них. «Поэтому так трудно найти вразумительный пример «потенциальных», т. е. возможных, но реально не существующих слов. Всегда есть опасность, что данное слово, если оно возможно по закономерностям данного языка, уже появилось и употребилось, но только не зарегистрировано...»¹. Например, в академической «Грамматике русского языка» отмечено как неологизм слово *читака*: «Ср., впрочем, новообразование Маяковского *читака*»². Между тем слово это уже существовало в языке и было зафиксировано в словаре (правда, с несколько иным, чем у Маяковского, значением): против его употребления возражал в 1909 г. В. Долопчев, рекомендовавший вместо этого говорить «плохой чтец вслух» (в словаре помета «иронически») ³.

Необходимое условие кодификации подобных образований, как было сказано ранее, заключается в установлении, — кроме степени их распространенности в языке и соответствия модели, — практической необходимости этих лексем: новое слово может стать необходимым только в том случае, если оно отличается от существующих зна-

¹ А. А. Реформатский, Введение в языковедение, изд. 4, изд. «Просвещение», М., 1967, стр. 134.

² «Грамматика русского языка», т. I, изд. АН СССР, М., 1952, стр. 229.

³ В. Долопчев, Опыт словаря неправильностей русской разговорной речи, изд. 2, Варшава, 1909, стр. 306.

чением (или оттенком значения), эмоционально-экспрессивной окраской, возможностями соединения с другими словами. Например, в газетах в последние годы стал употребляться глагол *прилуниться*, что дало повод некоторым восторженным журналистам писать, что русский язык обогатился новым словом. Кодификация глагола *прилуниться* еще преждевременна. Во-первых, существующий глагол *приземлиться* означает не «опуститься на Землю» (т. е. на планету), а «опуститься на землю» (т. е. на почву), и, значит, нет никаких лингвистических оснований возражать против оборотов *приземлиться на Луну*, *приземлиться на Марс* и т. п. Во-вторых, «нерационально, неэкономно создавать специальный глагол для каждой планеты (да и не от каждого названия планеты можно образовать глагол). Ведь язык любит обобщать»¹. Поэтому вряд ли реально закрепление в литературном языке одинаковых по общему значению образований *прилуниться*, *примарситься*, *привенериться*, *приюпитериться*, *приураниться*, *присатурниться*, *призвездиться*, *примеркуриться* (или «примеркуриться», «примеркурииться») и т. п.

Надо напомнить и о тех случаях, когда образование слова по данной модели невозможно, потому что его место занято уже омонимичной лексемой. Например, по аналогии с термином *геология* (наука о составе, строении и истории Земли), в последние годы появились термины *селенология* (от греч. *Selēnē* — «Луна»), *ареология* (от греч. *Arēs* — «Марс»). Но науку о составе и строении Венеры называют *геология Венеры*, так как место аналогичного образования в системе занято омонимом *венерология* — «отрасль медицины, изучающая венерические болезни».

В синтаксисе проблема кодификации осложняется наличием параллельных моделей, и наибольшую, пожалуй, опасность представляют встречающиеся иногда в практике газетных, и особенно книжных издательств, попытки «не пускать» один из сосуществующих в языке вариантов. Так, в современном языке распространяется так называемое согласование по смыслу сказуемого с подлежащим. Нередко встречается в письменной речи множественное число существительного при прилагательных, обозначающих разные виды предметов (*ламповый и транзисторный*

¹ Е. А. Земская, Как делаются слова, изд. АН СССР, М., 1963, стр. 11.

приемники). Однако с такой моделью, употребляемой только в отдельных стилях речи (особенно в научной и деловой речи), при определенных условиях, сосуществуют (и в нейтральной устной речи, по-видимому, более распространены) построения с единственным числом существительного в подобных сочетаниях.

Смысловые нормы

Наряду с общезыковыми нормами, о которых шла речь до сих пор, можно выделить и нормы иного уровня — нормы, определяющие смысловую сторону построения речи. В этот разряд включается требование однозначности конструкций, невозможности их двоякого чтения, требование адекватности грамматической формы конструкции ее смыслу. Этот ярус норм относится уже не к системе языка, а к реализации этой системы — к речи¹. В плане речевых норм неправильными следует считать те грамматически правильные, т. е. соответствующие современным моделям конструкции, которые содержат возможность двоякого толкования. Такого рода неправильности встречаются при употреблении местоимений, при удалении так называемого слабоуправляемого (грамматически необязательного) слова от подчиняющего, в некоторых конструкциях с постпозитивным причастным оборотом, в сложных предложениях с придаточными, вводимыми словом *который*, в некоторых соединениях однородных членов и т. д.

В ряде случаев недостаток подобных построений заключается в их двусмысленности, в том, что такие конструкции допускают возможность двоякого толкования, причем как одно, так и другое понимание приемлемо в данном контексте. Например, в предложении *В заключительной части работы, посвященной агротехнике клевера, есть некоторые*

¹ Можно встретить возражения против отнесения этих норм к языковым, например: «Есть случаи, представляющиеся нарушением норм логических, смысловых. Это не относится к лингвистической проблематике» (Ю. А. Б е л ь ч и к о в, О нормах литературной речи. «Вопросы культуры речи», вып. 6, изд. «Наука», М., 1965, стр. 12). Но ранее, рассматривая типы языковых норм, автор относит к третьему типу «нормы, которые устанавливают или регламентируют выражение с м ы с л о в ы х [разрядка моя.— В. И.] и эмоционально-экспрессивных оттенков различными языковыми средствами» (Т а м ж е, стр. 11). «Строгое соблюдение этих норм [т. е. норм третьего типа.— В. И.] диктуется требованием точности смысла...» (Т а м ж е, стр. 13). Из двух разных подходов к оценке рассматриваемых явлений более убедителен второй.

неточности причастный оборот может быть отнесен как к слову *часть*, так и к слову *работа*. Точно так же с равным основанием может быть отнесено как к слову *самолет*, так и к слову *авианосец* придаточное в следующем предложении: *Потерпел аварию и затонул самолет с английского авианосца «Гермес», который принимал участие в ежегодных военно-морских маневрах стран Содружества наций* (Из газет). Такого рода построения нередки в тех случаях, когда местоимение третьего лица стоит в том же роде и числе, что и два предшествующих ему существительных, к одному из которых должно по смыслу относиться это местоимение, например: *Эти женщины так похожи на героинь Сопротивления, что на ум приходит песня, которую они* [эти женщины или героини Сопротивления?] *пели* (Из газет). Двойное чтение может возникать при наличии в предложении однородных членов. Если при первом из двух однородных членов, зависящих от одного слова, есть зависимое слово, стоящее в той же падежной форме, что и однородные члены, то второй из однородных членов может быть воспринят как слово, зависимое от первого, т. е. конструкция $C_x^1 C_x^2$ и C_x^3 (где C_x — существительное в каком-нибудь косвенном падеже) имеет два значения: 1) C_x^1 и C_x^3 — однородные члены, при первом из них есть зависимое слово C_x^2 ; 2) C_x^2 и C_x^3 — однородные члены, зависящие от C_x^1 . Так, в сочетании *Он занимал пост заместителя наркома, а потом министра нефтяной промышленности* слово *министра* может быть воспринято как однородное со словом *заместителя* и со словом *наркома* (ср. соответствующие однозначные конструкции: *Он был заместителем наркома и министра — Он был заместителем наркома и министром*). Аналогичное положение возникает, если в таких позициях стоят глагольные формы (чаще всего инфинитив).

Двусмысленность подобных построений часто может быть устранена следующей частью предложения или следующим предложением (предложениями), т. е. правым контекстом, который и определяет выбор правильного варианта, например: *Бугров к середине колонны прорвался. Тут его группа фашистов окружила*. Второе предложение допускает двойное понимание: «Его группа окружила фашистов» или «Его окружила группа фашистов». Двусмысленность снимается следующим предложением: *Заметил это Буланов и на выручку сержанту бросился, кото-*

рое показывает, что правильным является второй вариант («Его окружила группа фашистов»). Недостаток подобных построений в том, что они затрудняют восприятие текста, для правильного понимания к таким предложениям надо возвращаться после того, как прочитано следующее. Аналогичные ошибки допущены и в следующих предложениях (вертикальная черта показывает «границу двусмысленности», т. е. отрезок текста, в пределах которого формально допустимы два чтения): 1) **Самолет** летел над океаном. Он | простирался во все стороны; 2) На двух трассах состязались слаломистки. Одна из них | длиною 500 метров, с перепадом высот 150 метров; 3) С еще большей энергией разгорается битва за урожай пятого года семилетки, **который** непременно будет | обильным.

Наконец, в ряде случаев двусмысленность предложения чисто внешняя: оба чтения формально возможны, но только одно из них в данном случае осмысленно, другое же приводит к нелепости.

Некоторые авторы отмечали, что подобные предложения нельзя считать неправильными. В. И. Чернышев, например, писал: «Старинная критика, особенно школьная, заходила в этом случае слишком далеко и не допускала местоимения после двух существительных даже там, где смешение их невозможно по смыслу речи». Поэтому он считал «стилистически вполне удовлетворительным» следующее предложение: Если бы не эта тарелка, да не прислоненная к постели только что выкуренная трубка, или не сам хозяин, лежащий на ней, то можно было бы подумать, что тут никто не живет (И. А. Гончаров)¹. Но далее он сам указывает: «В общем писатели, особенно современные, редко употребляют такие сочетания слов, в которых неуместно поставлены местоимения»². Против запрета употреблять местоимения после двух одинаковых по форме существительных в тех случаях, когда из содержания предложения ясно, на какое слово указывает местоимение он, выступал и В. В. Вересаев: «Иван Петрович подошел к столу. Он был очень весел». Прочитав что-нибудь подобное, всякий считает себя обязанным притвориться идиотом и спросить:

¹ См.: В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, изд. 3, стр. 255.

² Там же, стр. 256.

— Кто был весел? Стол?

Гомер несколько не стесняется говорить: «он побежал», раз по смыслу понятно, о ком идет речь, хотя бы в предыдущей фразе дело шло о столбе»¹.

Однако и такие построения, хотя они по своему содержанию однозначны, нельзя считать стилистически правильными, так как даже чисто внешняя, формальная возможность второго, «паразитного», чтения ведет к возникновению неуместного, не предусмотренного автором каламбура, например: *Расположение... военных баз содержится в такой глубокой тайне, что даже семьи новобранцев не знают, где они находятся* («За рубежом», 1961, № 8; очевидно, что *они* относится к слову *базы*, но предложение неправильно построено из-за возможности нелепого «паразитного» чтения: «Семьи не знают, где они (семьи!) находятся»); *Петр завел мотоцикл и, оставляя волнисто-голубоватую струйку дыма, направил его на проселочную дорогу* (Из газет; очевидно, местоимение *его* должно относиться к слову *мотоцикл*, а не к слову *дым*). Ср. обнажение такой двусмысленности в следующем примере: *Так, Розмари Ниттрибит собрала весьма красноречивую коллекцию записей того, что делает, как проводит свой досуг, как высказывается и о чем мечтает верхушка страны «экономического чуда». Это кончилось тем, что ее задушили в самом прямом и подлинном смысле этого слова — задушили, разумеется, не верхушку боннской республики, а ту, кто знала секреты этой верхушки...* (Л. Шейнин, Проклятое клеймо).

Возможности двоякого чтения, одно из которых в данном контексте лишено смысла, возникают иногда при постпозитивном употреблении причастных оборотов, если перед причастием в предложении есть два или больше существительных того же рода и числа, что и причастие, например: *Рядом со мной... два молодых человека в белых рубашках, прошедших суровую школу войны* (Из газет); *...для них строят школы и создают детские колонии в особняках бывших помещиков, рассеянных повсей территории России; Два месяца назад... вышла ее первая марка с картой территории, в два раза превышающей площадь Франции* (Из газет).

¹ В. В. Вересаев, Собрание сочинений, т. V, М., 1961, стр. 485.

Нередки подобного рода ошибки в предложениях с придаточными, вводимыми словом *который*, например: ...они нашли в углу мутную стеклянную **дверцу** с наклеванной на ней **надписью**: «Мистер Фипс», **которая** *тицилась быть прозрачной* (Ч. Диккенс, Мартин Чеззлвит. Собр. соч., т. XI); ...в ведение профсоюзов перешли такие **вопросы**, как организация физкультуры и спорта, организация отдыха **трудящихся**, **которыми** *раньше занимались соответствующие государственные органы* (Из газет).

Неуместные каламбуры могут возникать при удалении так называемого слабоуправляемого слова от подчиняющего, например: Одной из задач, поставленных перед экипажем, было проведение **человеком** *определенного объема научных наблюдений в условиях космического полета* (Из газет); На станке установлен механизм, задерживающий подачу этикетки из кассеты при отсутствии на столе карусели бутылок — имеется в виду не «карусель бутылок», а отсутствие бутылок на столе карусели (часть карусельного станка).

«Паразитное» чтение может появиться, когда слово или словосочетание, определяющее один из однородных членов, формально может быть отнесено ко всему ряду, например: Аборигены... *изготавливали бумеранги, ...копья, щиты, каменные топоры, зернотерки, ведра, искусно сделанные из коры* — вряд ли авторы имели в виду «щиты, каменные топоры, зернотерки, сделанные из коры».

Возможность нелепого чтения может возникать, если слово (или слова), которое входит в часть предложения, зависимую от одного из однородных членов, имеет такую же грамматическую форму, как однородные члены, например: Эти заводы имеют бродильные **установки, компрессоры, ферментеры, котлы**, *в которых прорастают микробы, лаборатории и подготовленные кадры для того, чтобы производить химические и микробиологические анализы* (Из газет). В этом предложении однородные члены: *установки, компрессоры, ферментеры, котлы, лаборатории, кадры*; но наличие слова *микробы* в форме, совпадающей с формой однородных членов (у которых форма винительного падежа не отличается от формы именительного), приводит к появлению второго, «паразитного», чтения: «котлы, в которых прорастают микробы, лабора-

тории и подготовленные кадры». Такова же ошибка и в следующем предложении: *Совхоз имени Моссовета показывает также краснокочанный салат, который круглый год дает зелень, лекарственный сельдерей, лук многолетний и другие овощные культуры* (Из газет).

К языковым нормам рассматриваемого уровня относятся и нормы, требующие адекватности грамматической формы и содержания высказывания.

Смысловыми условиями определяется порядок слов в предложении, возможность соединения слов в качестве однородных членов, возможность или невозможность некоторых видов эллипсисов и т. п.

Смысловые критерии лежат, например, в основе запрета сочетать в качестве однородных членов слова, не объединяемые единым основанием деления, например: *Уезжая за границу, он берет с собой семью, немного денег и два чемодана*.

Этим же критерием определяются правила расположения частей сложных союзов *не только — но и; как — так и*: части этих союзов служат для сопоставления стоящих непосредственно после них членов предложения и поэтому должны стоять после подчиняющего слова, перед сопоставляемыми элементами. Предложение *Деепричастие является не только специфическим носителем глагольности, но и адвербиальности* неправильно из-за содержащегося в нем противоречия между значением предложения и формальным выражением этого значения: по значению в предложении сопоставляются понятия глагольности и адвербиальности, а формально, из-за неправильного местоположения слов *не только*, — слова (*специфический*) *носитель* и *адвербиальность* (правильный порядок: *...специфическим носителем не только глагольности, но и адвербиальности*).

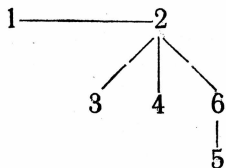
Смысловыми условиями определяется в ряде случаев нормативность или ненормативность неполных предложений.

В речи часто употребляются предложения с нулевым членом. Наличие нулевого члена легко установить при построении схемы, «дерева» предложения, т. е. линий связи, соединяющих попарно все члены предложения. С точки зрения характера схемы все предложения делятся на две группы: предложения, в которых линии соединяют попарно все члены, и предложения, в которых: а) линии

связи в каком-нибудь месте прерываются или б) от какого-нибудь члена предложения идет линия, не соединяющая его с другим членом¹.

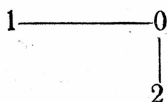
Пример предложения первой группы:

(1) Отец (2) купил (3) сыну (4) в магазине (5) интересную (6) книгу

Примеры предложений второй группы:

а) (1) Отец (2) дома

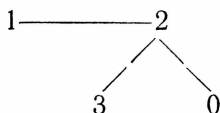

Слово *отец* синтаксически не связано с наречием *дома*. Схема этого предложения может быть построена только в том случае, если мы введем в него нулевой член: в данном случае это глагол со значением бытия в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени (как видно, мы можем дать полную грамматическую характеристику нулевого члена, неизвестно лишь его лексическое наполнение: это может быть один из членов ряда *находится, сидит, пребывает* и т. п.)².

¹ Члены предложения понимаются традиционно как все слова или словосочетания, к которым может быть поставлен вопрос, идущий от других слов или словосочетаний данного предложения. Следовательно, входящие в предложение вводные слова, обращения, междометия не считаются здесь его членами.

² В тех случаях, когда это подсказывается контекстом, можно назвать не только класс слов, в который входит нулевой член, но и само слово: очевидно, например, что в сложносочиненном предложении *Я сижу в комнате, а брат — на балконе* нулевой член *сидит*.

б) (1) Он (2) принесет (3) завтра

В данном случае нулевой член — существительное в винительном падеже. Это определяется тем, что при сильноуправляющем глаголе *принести* необходимо управляемое существительное в винительном падеже. Между двумя видами предложений с нулевым членом — предложениями типа *Отец дома*, с одной стороны, и предложениями типа *Я сижу в комнате, а брат — на балконе*, с другой стороны, существует принципиальное различие, для выяснения которого надо обратиться к разработанному Н. Ю. Шведовой учению о парадигме предложения. Обосновывая необходимость этого понятия, Н. Ю. Шведова пишет: «...если исходить из понимания предложения как коммуникативной единицы, формирующейся взаимодействием категорий синтаксического времени, синтаксического лица и объективной модальности (реальность — ирреальность), то определение формы предложения следует конструировать на основе всех возможных в границах его структуры реальных существований этих категорий»¹. Систему форм предложения — «все те его видоизменения, которые, не меняя грамматической структуры (типа) предложения, представляют каждое в отдельности то или иное его частное грамматическое значение, а в своей совокупности — весь комплекс грамматических значений, свойственных предложению данной структуры»² — Н. Ю. Шведова называет парадигмой предложения. Например, парадигма предложения *Ночь темна* имеет следующий вид: *Ночь темна — Ночь была темна — Ночь будет темна — Ночь была бы темна — Пусть будет (пусть бы была, будь) ночь темна*. Введение понятия парадигмы предложения позволяет разграничить парадигматически

¹ Н. Ю. Шведова, Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм. «Проблемы современной филологии». Сборник статей к 70-летию академика В. В. Виноградова, изд. «Наука», М., 1965, стр. 282—283.

² Там же, стр. 283.

обусловленные и парадигматически необусловленные нулевые члены. Первые являются фактами языка, вторые — фактами речи. Например, парадигма предложения *Ночь темна* обуславливает нулевую связку при настоящем времени сказуемого. Парадигмой предложения *Отец дома* (ср.: *Отец был дома — Отец будет дома — Отец был бы дома*) обусловлена нулевая форма глагола бытия при настоящем времени сказуемого. Иначе обстоит дело со вторым из приведенных примеров. В предложении *Я сижу в комнате, а брат — на балконе* наличие нулевого члена не зависит от места данной конструкции в парадигме. Ср.: *Я сидел в комнате, а брат — на балконе* и т. д. В первом примере нулевой член обусловлен парадигмой предложения, во втором — контекстом. Исходя из сказанного, неполные предложения можно определить как предложения с парадигматически необусловленным нулевым членом.

Неполные предложения, как говорилось, широко распространены в речи. Ошибки в их употреблении связаны с разрушением схемы предложения, с появлением ложных связей.

Во-первых, ошибочно употребление в монологической речи конструкций с нулевым сильноуправляемым членом, например: *Заметив неправильное произношение, учитель исправляет.* (Такие предложения часты в разговорной речи, в ответах на вопросы: — *Ты принес книгу?* — *Принес* — и здесь, конечно, их нельзя считать неправильными.)

Во-вторых, ошибочны построения, в которых формы слов, зависящих от нулевого члена, изменяются таким образом, что в дереве предложения нуль устраняется — так как при таком построении возникают ложные связи между словами, искажающие смысл высказывания, например: *Наиболее важные из их интересов были связаны с крупнейшими международными картелями.* Полное предложение должно было бы иметь следующий вид: *Наиболее важные из их интересов были связаны с интересами крупнейших международных картелей.* Стремление автора избежать тавтологии вынудило его убрать слово *интересами*. Но при этом «повисал» предлог *с*, необходимый при слове *связаны*. Попытка построить грамматически правильное предложение привела к смысловой ошибке: *интересы... связаны с картелями.*

Аналогичная ошибка допущена и в следующем предложении: *При скармливании силоса удои молока возрастают на 15 процентов по сравнению со-свекловичным кормом.* Здесь пропущена часть предложения: *по сравнению с [удоями, получаемыми при скармливании] свекловичного корма*, а форма члена предложения, грамматически зависящего от пропущенного слова, изменена так, чтобы не были разрушены грамматические связи. Но при этом возникает смысловая неправильность — сопоставление удоев с кормом: *удои возрастают на 16 процентов по сравнению... с кормом.* Ср. и следующее предложение: *В этом районе урожай превосходит южные районы области.*

Норма и язык художественной литературы

Мы рассматривали нормы нейтральной речи, научной, деловой речи. Значительно сложнее проблема отношения к норме в языке художественной литературы. Здесь, в соответствии с авторским замыслом, могут быть использованы формы и конструкции, находящиеся за пределами языковой нормы. Это касается и словообразования (ср. использование индивидуальных неологизмов, особенно в поэтической речи), и лексики (ср., например, употребление архаической лексики, историзмов в исторических повествованиях), и грамматики. Такого рода отступления от нормы могут быть и в авторской речи, и в речи персонажей — как средство речевой характеристики. Важно только, чтобы подобные ненормативные образования были художественно оправданы, чтобы они не воспринимались читателем как необоснованные, как случайно пропущенные ошибки. Естественно, что любое «исправление» мотивированных отступлений от нормы ведет к обеднению стиля, к искажению авторского замысла. «Мне приходилось видеть, — писал Б. В. Томашевский, — как в одном из рассказов М. Слонимского корректор жестоко и систематически уничтожал форму «поброй мене», заменяя ее через «побрей меня». К счастью, эти «исправления» не пошли дальше первой корректуры»¹.

Как писал Л. В. Щерба о языке художественной литературы, «авторов, вовсе не отступающих от нормы, конечно, не существует — они были бы невыносимо скучны». «Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда-

¹ Б. В. Томашевский, Писатель и книга, Л., 1928, стр. 43.

то он начинает чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от нее у разных хороших писателей. (Я говорю «обоснованных», потому что у плохих авторов они бывают часто недостаточно мотивированы внутренним содержанием — поэтому-то эти авторы и считаются плохими.)»¹. Но исследование отступлений от нормы в языке художественной литературы, как и определение норм различных стилей речи, — особая проблема, анализ которой выходит за рамки этой книги.

¹ Л. В. Щ е р б а, Спорные вопросы русской грамматики. «Русский язык в школе», 1939, № 1, стр. 10.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- «Анкета [о норме] и ответы писателей». «Вопросы культуры речи», вып. 6, изд. «Наука», М., 1965.
- А х м а н о в а О. С., Б е л ь ч и к о в Ю. А., В е с е л и т с к и й В. В., К вопросу о «правильности» речи. «Вопросы языкознания», 1960, № 2.
- Б е л ь ч и к о в Ю. А., О нормах литературной речи. «Вопросы культуры речи», вып. 6, изд. «Наука», М., 1965.
- В а с и л ь е в Л. М., Языковые стили и литературная норма. «Материалы VI Межобластной конференции языковедов Поволжья», Ульяновск, 1962.
- В и н о г р а д о в В. В., Итоги обсуждения вопросов стилистики. «Вопросы языкознания», 1955, № 1.
- В и н о г р а д о в В. В., О культуре русской речи. «Русский язык в школе», 1961, № 3.
- В и н о г р а д о в В. В., Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания. «Вопросы языкознания», 1964, № 3.
- В и н о к у р Г. О., Проблема культуры речи. «Русский язык в советской школе», 1929, № 5.
- Г е л ь г а р д т Р. Р., О языковой норме. «Вопросы культуры речи», вып. 3, изд. АН СССР, М., 1961.
- Г о л о в и н Б. Н., О качествах хорошей речи. «Русский язык в школе», 1964, № 2; 1965, № 1.
- Г р и г о р ь е в В. П., О нормализаторской деятельности и языковом «пятакке». «Вопросы культуры речи», вып. 3, изд. АН СССР, М., 1961.
- Г р и г о р ь е в В. П., Культура языка и языковая политика (вместо рецензии на книгу К. И. Чуковского). «Вопросы культуры речи», вып. 4, изд. АН СССР, М., 1963.

- Истрина Е. С., Нормы русского литературного языка и культура речи, изд. АН СССР, М.—Л., 1948.
- Кожина М. Н., О предмете практической стилистики и смежных дисциплин. «Ученые записки Пермского университета», т. XXII, вып. 2, 1962.
- Кожухарь Д. А., К вопросу о характере языковой нормы. «Тезисы докладов научно-методической конференции факультета иностранных языков [Одесского университета]», Одесса, 1964.
- Конрад Н. И. О «языковом существовании». «Японский лингвистический сборник», изд. АН СССР, М., 1959.
- Костомаров В. Г., Культура речи и стиль, изд. ВПШ, М., 1960.
- Костомаров В. Г., Культура языка и речи в свете языковой политики. «Язык и стиль». Сборник статей, изд. «Мысль», М., 1965.
- Костомаров В. Г., Насущные задачи учения о культуре речи. «Русский язык в школе», 1965, № 4.
- Костомаров В. Г., Шварцкопф Б. С., Работы по вопросам культуры русской речи (1962—1965). «Вопросы языкознания», 1965, № 4.
- Крысин Л. П., Культура речи и языковой пуризм. «Русский язык в школе», 1963, № 3.
- Крысин Л. П., Скворцов Л. И., Шварцкопф Б. С., Проблемы культуры русской речи (обзор). «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1961, № 5.
- Лопатин В. В., Улуханов И. С., Словообразование и культура речи. «Русский язык в школе», 1963, № 4.
- Макаев Э. А., Понятие «давления системы» и иерархия языковых единиц. «Вопросы языкознания», 1962, № 5.
- Михайлов М. М., Практическая стилистика и ее требования к речи. «Русский язык в школе», 1965, № 1.
- Обнорский С. П., Культура русского языка, М.—Л., 1948 (То же в кн.: Обнорский С. П., Избранные работы по русскому языку, Учпедгиз, М., 1960).
- Ожегов С. И., От редактора. «Правильность русской речи. Словарь-справочник». Сост. Л. П. Крысин и Л. И. Скворцов, изд. «Наука», М., 1965.
- Ожегов С. И., Очередные вопросы культуры речи. «Вопросы культуры речи», вып. I, изд. АН СССР, М., 1955.
- «Ответы на вопросник по норме». «Вопросы культуры речи», вып. 6, изд. «Наука», М., 1965.

- П а н о в М. В., О развитии русского языка в советском обществе. «Вопросы языкознания», 1962, № 3.
- П е ш к о в с к и й А. М., Объективная и нормативная точка зрения на язык. «Избранные труды», Учпедгиз, М., 1959.
- «Пражский лингвистический кружок». Сборник статей, изд. «Прогресс», М., 1967.
- Р и з е л ь Э. Г., Языковые нормы и так называемые «нарушения языковых норм». «Ученые записки МГПИИЯ», т. 15, 1957.
- «Русский язык и советское общество». Проспект, Алма-Ата, 1962.
- С к р е б н е в Ю. М., К вопросу об ортологии. «Вопросы языкознания», 1961, № 1.
- С т е п а н о в Ю. С., Основы языкознания (раздел «Норма»), изд. «Просвещение», М., 1966.
- Ч е р н ы ш е в В. И., Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики («Введение»), изд. 3, Пг., 1915.
- Ч у к о в с к и й К. И., Живой как жизнь, изд. 2, «Молодая гвардия», М., 1963.
- Ш м е л е в Д. Н., Некоторые вопросы развития и нормализации современного русского языка. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1962, № 6.
- Щ е р б а Л. В., Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку). «Избранные работы по русскому языку», Учпедгиз, М., 1957.
- Щ е р б а Л. В., Спорные вопросы русской грамматики. «Русский язык в школе», 1939, № 1.
- Я к у б и н с к и й Л. П., Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики. «Языковедение и материализм», вып. II, Соцэкгиз, М.—Л., 1931.
- D ă n ă i l ă J., Note despre conceptul de «normă lingvistică». «Limba română», București, 1963, № 4.
- D o r o s z e w s k i W., Kryteria poprawności językowej, Warszawa, 1950.
- E s s e n O., Norm und Erscheinung im Leben der Sprache. «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Bd. 9, H. 2, Berlin, 1956.
- Н а в р á н е к Б., Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura. «Spisovná čeština a jazyková kultura», Praha, 1932.

H a v r á n e k B., Zásady Pražského lingvistického kroužku a nová kodifikace spisovné češtiny. «Slovo a slovesnost», 1947, t. X, № 1.

H a v r á n e k B., Zum Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur. «Actes du 4-me Congrès international des linguistes», Copenhagen, 1938.

K l e m e n s i e w i c z Z., W kręgu języka literackiego i artystycznego, Warszawa, 1961.

M a r o u s e a u J., Aspects du français. Paris, 1950 (гл. V—VII).
Obecné zásady pro kulturu jazyka, «Spisovná čeština a jazyková kultura», Praha, 1932.

СОДЕРЖАНИЕ

Норма и кодификация	4
Язык и орфография	10
Система языка	11
Структура языка	14
Модели и списки в структуре языка	16
Нормы, определяемые системой языка	23
Нормы, определяемые структурой языка	27
Критерии нормы: 1. Соответствие модели	28
Критерии нормы: 2. Употребительность. 3. Необхо- димость.	39
Смена норм. Варианты нормы	46
Норма и тенденция	56
Возможности кодификации на разных уровнях языка	68
Смысловые нормы	79
Норма и язык художественной литературы	88
Основная литература	90

Виктор Александрович Ицкович

Я З Ы К О В А Я Н О Р М А

Редактор *М. Морозова.*

Художественный редактор *Н. Володина.*

Технический редактор *О. Семина.*

Корректор *Т. Графовская*

28

23

7

of nois.

Сдано в набор 27/II 1967 г. Подписано к печати 22/I 1968 г.
84×108¹/₃₂. Типографская № 2. Печ. л. 5,04(3). Уч.-изд. л. 5,08.
Тираж 35 тыс. экз. (Тем. пл. 1966 г. № 101). А 03517.
Издательство «Просвещение» Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР.
Москва; 3-й проезд Марьиной рощи, 41.
Отпечатано с матриц Ордена Трудового Красного Знамени
Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова в Сор-
тавальской книжной типографии Управления по печати при Со-
вете Министров КАССР.
г. Сортавала, Карельская, 42.
Цена 14 коп. Заказ № 184.